

На правах рукописи

ЯРЫЧЕВ Насруди Увайсович

**ФЕНОМЕН МЕМОРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ:
ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ
ИССЛЕДОВАНИЯ И СПЕЦИФИКА РЕПРЕЗЕНТАЦИИ В
СОВРЕМЕННЫХ СОЦИОКУЛЬТУРНЫХ РЕАЛИЯХ
ЧЕЧЕНСКОЙ РЕСПУБЛИКИ**

5.10.1. Теория и история культуры, искусства

АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание ученой степени
доктора культурологии

Челябинск – 2024

Работа выполнена на кафедре философии федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Чеченский государственный университет имени Ахмата Абдулхамидовича Кадырова».

Официальные оппоненты:

ДЕНИСОВ Николай Григорьевич, доктор философских наук, профессор, профессор кафедры истории, культурологии и музееведения ФГБОУ ВО «Краснодарский государственный институт культуры» (г. Краснодар);

ИЛЬИНСКАЯ Елизавета Александровна, доктор культурологии, доцент, профессор кафедры социально-культурных технологий НГО ВПО «Санкт-Петербургский гуманитарный университет профсоюзов» (г. Санкт-Петербург);

РУБИН Владимир Александрович, доктор культурологии, доцент, доцент кафедры истории государства и права Оренбургского института (филиала) ФГАОУ ВО «Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)» (г. Оренбург).

Ведущая организация:

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Комплексный научно-исследовательский институт им. Х.И. Ибрагимова Российской академии наук.

Защита состоится 27 июня 2024 г. в ___ ч. 00 мин. на заседании диссертационного совета 23.2.026.01, созданного на базе Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Челябинский государственный институт культуры» по адресу: 454091, г. Челябинск, ул. Орджоникидзе, 36-а, 1 корпус, ауд. 206 (конференц-зал).

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке и на сайте Челябинского государственного института культуры (<http://chgik.ru/>).

Автореферат разослан «_____» _____ 2024 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета,
кандидат культурологии, доцент

Тарасова Юлия Борисовна

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ДИССЕРТАЦИИ

Широко известна цитата выдающегося исследователя памяти П. Нора: «Мы живем в эпоху всемирного торжества памяти»¹. В связи с почти стихийно нарастающим объемом мемориальных исследований в актуальной повестке *memory studies* нередко поднимается тема усталости от излишней проблематизации прошлого, от гипертрофированного научного интереса к нему и переоценке его ресурсного преобразовательного потенциала. Однако проблематика прошлого, в том числе и прошлого как истории травмы, не утрачивает своей востребованности. До тех пор, пока кризис национальных и локальных идентичностей, кризис межкультурных и межэтнических коммуникаций, кризис социокультурной саморефлексии, кризис памяти, зажатых между стремлением к тотальному забвению и гипермнезии (синдром повышенной способности к запоминанию и воспроизведению информации о социальных потрясениях) находятся в острой фазе, значимость «проработки трудного прошлого» (Т. Адорно) будет лишь возрастать.

В целом причины актуализации обращения к проблеме прошлого, вокруг которого и выстраивается феномен мемориальной культуры, сводятся, на наш взгляд, к нескольким общим основаниям:

1. Идентификационному (восприятие прошлого как источника новых идентификационных программ и объединяющих идей).

2. Политическому (понимание прошлого как ресурса легитимизации актуальных процессов и явлений).

Прошрое всегда выступало агентом властного дискурса, а потому всегда было той идейно-событийной основой, на которой выстраивается транслируемый образ прошлого и официальная политика памяти.

3. Психологическому (стремление проработать, осознать, проанализировать прошлое для преодоления травматических воспоминаний).

В контексте психологических причин актуализации осмысления прошлого речь может идти и о позициях более широкого масштаба. Магистральная идея работы П. Нора «Франция-Память» заключается в доказательстве того, что памяти и стоящего за ней реального, живого прошлого больше нет. Осознание утраты прошлого, воспринимаемого как основа настоящего, как фундамент существования – источник колоссального психологического дискомфорта, главным механизмом компенсации которого становится попытка остановить ускользающее

---

¹Нора, П. Всемирное торжество памяти / П. Нора // Неприкосновенный запас: дебаты о политике и культуре. – 2005. – № 2–3 (40–41). – URL: <https://magazines.gorky.media/nz/2005/2/vsemirnoe-torzhestvo-pamyati.html> (дата обращения: 24.07.2023).

прошлое посредством создания его симулякров (архивов, музеев, мемориального кино и пр.).

4. Коммуникационно-информационному (с одной стороны, рост технического потенциала для сохранения большого объема культурной памяти, с другой – утрата истинной потребности в «следах» прошлого).

П. Нора посвятил десятки страниц своего фундаментального труда перечислению примеров того, как реализуется современная борьба за прошлое. Главный ее итог – тотальный, не пригодный для осмысления и переработки объем накопленной информации, собранной вне строгой логики и стратегии, «на всякий случай». Эта информация репрезентуется в формате архивных собраний, музейных коллекций, скульптур, мемориальных композиций – всего того, что П. Нора назвал местами памяти.

Однако в реальной жизни, прежде всего, под воздействием медиа- и интернет-коммуникации, формируется обратная потребность – в обновлении, в поиске новых данных, «свежих» фактов. Старое (что, собственно, и является памятью как таковой) безжалостно удаляется в «корзину» и подлежит забвению. Ж.-Ш. Шурек связывал такое демонстративное, но не глубинное внимание к прошлому «разрывом с традиционными типами сообщения о прошлом»².

Этими же причинами объясняется и интерес к мемориальной культуре. Однако стоит отметить, что эпистемологическая ситуация, сложившаяся вокруг мемориальной культуры, несколько отличается от аналогичной ситуации, связанной с близкими, но не тождественными ей понятиями, прежде всего, понятиями культурной (исторической, культурно-исторической – в разных формулировках у разных ученых) памяти, политики памяти, коммеморации и пр.

Во-первых, понятие и стоящее за ним явление мемориальной культуры можно назвать молодым, формирующимся и достаточно плохо разработанным, несмотря на довольно частое употребление самого термина. Даже А. Ассман, автор и популяризатор самого термина «мемориальной культуры» указывала на противоречие между его повседневной распространенностью (в СМИ, разговорной речи, общественной риторике и пр.) и неразработанностью на уровне научной категории.

В контексте нашей исследовательской логики *под мемориальной культурой* понимается система историко- и социально-детерминированных, устойчивых, воспроизводимых способов познания, интерпретации, описания, сохранения, трансляции прошлого, репрезентируемых в различных формах мемориальной деятельности.

---

²Шурек, Ж.-Ш. Память и тоталитаризм: французские дебаты / Ж.-Ш. Шурек // Неприкосновенный запас. – 2002. – № 2 (22). – URL: magazines.russ.ru/nz/2002/22/shurek.html (дата обращения: 04.08.2023).

Во-вторых, именно в силу отсутствия четкой теоретической определенности (хотя бы в масштабах отдельных авторских позиций), до сих пор не выработано методологии изучения мемориальной культуры. Действительно, довольно сложно предлагать пути изучения того, смысловое наполнение чего достаточно размыто. Понятие мемориальной культуры часто используют как синоним культурной памяти, политики памяти, коммеморативных практик и пр. В этом случае на мемориальную культуру экстраполируются методологические подходы, предназначенные для изучения отождествляемых с ней явлений. Однако вопрос о методологии изучения собственно мемориальной культуры остается открытым и тем более сложным, чем чаще происходит указанная подмена понятий.

В целом же нам бы хотелось сконцентрировать внимание не столько на актуальности *феномена* мемориальной культуры (она, как мы отметили, в целом совпадает с актуальностью обращения к осмыслению прошлого в целом, а об этом сказано уже немало), сколько на актуальности *понятия* «мемориальная культура».

В мемориальных исследованиях часто звучит внутренняя претензия к их терминологической неопределенности и избыточности – современные *memory studies*, расширяя тематические горизонты исследований, расширяют и их терминологическую базу, вводят в научный дискурс новые понятия с подвижными смысловыми границами. Поэтому интеграция в культурологическую риторику понятия мемориальной культуры должно быть очевидно оправданно и должно решать новые исследовательские задачи, а не просто пополнять и без того переполненный понятийный аппарат мемориальных исследований.

На наш взгляд, понятие мемориальной культуры в сравнении с иными близкими понятиями имеет ряд неоспоримых преимуществ, позволяющих выйти на новый уровень познания различных мемориальных явлений.

Во-первых, теоретическая, методологическая и инструментальная привлекательность мемориальной культуры заключается в том, что она представляет собой более динамичное (в сравнении, скажем, с феноменом культурной памяти) явление.

Сегодня все чаще звучат призывы к «денационализации» мемориалистики (М. Ротберг, Д. Саньял, М. Сильверман и др.), обращению к мемориальным явлениям, существующим вне жестких границ нации. А точнее – существующих не только в данных границах. Мемориальная культура не имеет жесткой привязки исключительно к нации. Ее инициаторами и носителями могут быть как локальные субкультурные объединения, отдельные этнические группы, так и целые государства. В этом смысле она обладает большей (в сравнении с той же культурной памятью) позиционной пластичностью и способностью к социальному масштабированию

Мемориальная культура может существовать на различных уровнях социальной иерархии, обладающих определенными признаками (наличие мемориального нарратива, акторов, медиумов и пр.), а потому обращение к ней позволяет в равной степени эффективно и эвристично изучать как локальные, так масштабные общности; как местную мемориальную самобытность, так глобальные мемориальные процессы.

Во-вторых, мемориальная культура, как видно из определения, представляет собой целый комплекс разнообразных мемориальных явлений. Она включает в себя не только официальные, институализированные, регламентированные практики поминовения (как политическая или культурная память), но и так называемые низовые формы мемориальной активности, которые выступают необходимым и важным условием общего мемориального баланса общества (Г. Е. Гун).

В-третьих, мемориальная культура (опять же в сравнении с культурной памятью, например) – более операционализируемое, а потому измеряемое понятие, верифицируемое через набор конкретных признаков (содержательных, структурных, функциональных).

В-четвертых, важно подчеркнуть, что ключевым вопросом современной гуманитарной повестки является кризис идентичностей – национальных, гендерных, религиозных, территориальных и др. В такой ситуации изучение мемориальной культуры содержит значительный идентификационный потенциал: как минимум позволяет просто зафиксировать актуальное состояние идентичности, а как максимум – внести в нее позитивизирующие коррективы. На подобную связь идентичности и мемориальной культуры указывают и зарубежные, и отечественные ученые.

Мемориальная культура предстает тем системным, обобщающим явлением, которое дает возможность понять сложный, а порой и противоречивый характер мемориальных процессов, протекающих в той или иной культуре, комплексно оценить мемориальный портрет эпохи, складывающийся не только из официальных практик поминовения, но и из внеинституциональных, стихийных форм мемориальной активности. Мемориальная культура выступает эвристичным, пластичным, адаптивным исследовательским инструментом, позволяющим не только под новым углом зрения взглянуть на уже хорошо изученные мемориальные феномены, но и включить в орбиту исследовательских интересов новые.

В контексте настоящего диссертационного исследования мемориальная культура осмысливается и в локальном измерении. В нашем случае таким измерением выступает Чеченская Республика.

Во-первых, изучение мемориальной культуры современной Чеченской Республики – это значимый ресурс формирования новой национальной идентичности. Или, если говорить, точнее – адаптации уже существующей национальной идентичности к новым историческим, политическим,

социокультурным условиям. О том, что в структуре национальной идентичности чеченцев сейчас происходят определенные содержательные изменения, говорят разные исследователи. Так, например, В. А. Шнирельман в работе «Быть аланами: интеллектуалы и политика на Северном Кавказе в XX век» пишет о «резком усилении роли представлений о прошлом в формировании этнической идентичности на Северном Кавказе»³.

А. Х. Боров характеризует Юг России (имея ввиду, прежде всего, Кавказ) как регион переходности, прежде всего, идентификационной. Источники переходности, по его мнению, кроются в «наследии нерешенных проблем прошлого, и общей незавершенности процессов модернизации в регионе, и новых вызовов экономической, политической и культурной глобализации. В силу этого для народов Северного Кавказа сохранится определенная напряженность между необходимостью соответствовать требованиям открытого и конкурентного мира современности и потребностями сохранения своей культурно-исторической идентичности»⁴.

Изучение мемориальной культуры в этом контексте, осознание того, как современные чеченцы воспринимают прошлое, оценивают его, поможет не только осмыслить суть происходящих идентификационных трансформаций, но и сделать их более созидательными и ресурсными. История нередко дает основания для конфликтов, что аргументированно и убедительно показал В. А. Шнирельман в упоминавшейся нами книге. Культурологический же взгляд на прошлое сквозь призму мемориальной культуры скорее ищет точки солидаризации, причины конфликта и способы их разрешения; не оценивает и не агитирует, а констатирует и объясняет.

Во-вторых, именно поэтому, обращение к локальному этническому варианту мемориальной культуры открывает новые перспективы для межкультурного, межэтнического и межгосударственного диалога между собственно носителем этой культуры (отдельного этноса) и теми мемориальными субъектами, с которыми он так или иначе контактирует. В нашем случае – это Россия как государство и Россия как особый тип культуры, в том числе и мемориальной, в отрыве от которой мемориальная культура Чечни существовать не может. По мысли С. Канагараджа, именно познание локальности («local knowledge») стимулирует исследовательский выход за строгие границы конкретных объектов (районов, городов, местностей), инициирует поиск специфики и универсальности.

Проведенное нами исследование современной чеченской мемориальной культуры позиционирует теоретическое и культурно-историческое основания для последующего сравнения мнемонических

---

³Шнирельман, В. Быть аланами. Интеллектуалы и политика на Северном Кавказе в XX веке / В. Шнирельман. – Москва: Новое литературное обозрение, 2006. – С. 9.

⁴Боров, А. Х. Северный Кавказ в российском цивилизационном процессе (Проблема социально-культурного синтеза) / А. Х. Боров. – Нальчик: Кабардино-Балкарский ун-т, 2007. – С. 246

паттернов современных чеченцев и россиян, чтобы увидеть через них точки содержательного, ценностного соприкосновения и точки разрыва, болевые зоны, и уже на этой базе корректировать векторы взаимодействия двух народов, культур, делая его более эффективным и созидательным.

В целом, прошлое играет огромную, определяющую роль в самосознании жителей Кавказа вообще и чеченцев в частности. Как отмечает В. А. Шнирельман, «для северокавказцев эта история имеет несравнимо большее значение, чем, например, для белых американцев. Если в ответ на вопрос о роли прошлого в их жизни американцы обращаются прежде всего к фактам личной или семейной истории, то обитатели Северного Кавказа говорят о прошлом своего народа. Аналогичным образом, вспоминая об исторической личности, оказавшей на них наибольшее влияние, американцы сплошь и рядом говорят о каком-либо родственнике, тогда как северокавказцы неизменно называют имя Шамиля»⁵.

Степень научной разработанности темы. Мемориальная культура представляет собой междисциплинарное явление, практически с равной степенью интенсивности изучаемое сотнями исследователей по всему миру, принадлежащих к различным отраслям гуманитарного знания. Стоит отдельно отметить, что так или иначе проблему мемориальной культуры, то есть совокупности различных практик взаимодействия с прошлым, рассматривали все ученые, которые в той или иной степени занимались (занимаются) феноменом прошлого и сопряженных с ним явлений (культурной памяти, исторического сознания, коммемораций и пр.). Поэтому в данном пункте формализованной части диссертации объем анализа ограничен лишь теми работами, которые имеют к мемориальной культуре *непосредственное* отношение.

В качестве базового предмета мемориальная культура выступает в целом ряде зарубежных и отечественных исследований. Как комплексная, общесоциальная стратегия взаимодействия с прошлым (в интерпретации, наиболее близкой нашему пониманию данного явления) мемориальная культура раскрывается во всех работах последних лет А. Ассман и ее соавтора С. Конрада.

Ф. Артог («режим историчности»), Й. Рюзен («исторический нарратив»), М. Бернхард и Я. Кубик («режим памяти»), не используя непосредственно понятия мемориальной культуры, поднимали вопросы о формировании некоего общего темпорального режима культуры, аккумулирующего базовые для группы представления о прошлом и влияющего на модели социального действия.

---

⁵Шнирельман, В. Быть аланами. Интеллектуалы и политика на Северном Кавказе в XX веке / В. Шнирельман. – Москва: Новое литературное обозрение, 2006. – С. 9.

Целый ряд ученых рассматривал отдельные аспекты мемориальной культуры: И. Зарецка – специфику ее официальной публичной репрезентации («фреймирования»); А. Парр – сущностные взаимосвязи с травмирующими воспоминаниями; Т. Кулич – влияние на социальные процессы (мемориальный контроль, подавление и вытеснение, механизмы мемориальной солидаризации и пр.); М. Аллен – экономический контекст реализации мемориальных стратегий; Г. Бозоглу – инкорпорированность в музейные практики и восприятие музейной аудиторией; А. Аркангели и М. Тамм – историческую эволюцию мемориальной культуры в Средние века и в эпоху Возрождения; А. В. Святославский – преломление в мемориальной культуре коммеморативной и реконструктивной видов деятельности; Е. В. Сазонникова – связь мемориальной культуры с конституционно-правовым полем.

Стоит упомянуть также и исследователей, которые не оперируют понятием «мемориальная культура», однако, по сути, рассматривают явления, содержательной близкие ей, выступающие ее официальной, регламентированной основой:

– культуру памяти как некую социальную традицию, определяющую объем сохраняемых воспоминаний и воспоминаний, подлежащих забвению (Й. Ганценмюллер, К. Шмид, М. Л. Шуб);

– мемориальную политику как систему художественно-мемориальной пропаганды (М. Б. Гуров, О. Ч. Реут); как политику памяти (О. В. Леонова, Д. Н. Нечаев); как инструмент государственной политики «мягкой силы» (Н. А. Медушевский);

– политику памяти как государственную политику в мемориальной сфере (О. Ю. Малинова, А. И. Миллер, О. Ф. Русакова, Р. Траба);

– историческую политику как систему использования различных государственных ресурсов (властных, административных, финансовых) в сфере политики памяти (К. Леггеви, К. Майер, А. В. Трофимов).

Нельзя не упомянуть работы авторов, которые занимались осмыслением надындивидуальной памяти, составляющей ядро мемориальной культуры. Мы не занимались специальным погружением в данный сектор мемориальных исследований, рассматривая лишь типы коллективной памяти, «задействованные» в различных формах мемориальной активности. В этом контексте стоит упомянуть исследования А. Ассман, Я. Ассмана, М. Бэла, А. Мегилла, П. Новика, П. Нора, М. Хальбвакса, М. Л. Шуб.

Проблема субъектной основы мемориальной культуры (ее акторов) поднималась в работах А. Ассман, Ф. Артога, М. Бернхарда, Я. Кубика, О. Ю. Малиновой, А. И. Миллера, Й. Рюзена.

Мемориальная культура представляется сложным, многокомпонентным явлением, включающим в себя различные по сути, характеру, функционалу, формам репрезентации мемориальные формы.

Поэтому в современной мемориалистике сложилось отдельное направление, ориентированное на точечно-избирательный подход к мемориальной культуре, на изучение ее отдельных морфологических единиц.

Так, общетеоретическими вопросами мемориального нарратива занимались Г. Гилл, Дж. Верч, О. Ю. Малинова, А. И. Миллер, Л. П. Репина, В. Серeda, А. Эткинд. И. В. Тевьяева разрабатывала проблему мнемического нарратива, то есть мемориального повествования, сконструированного на основе не официального, а персонального мемориального опыта. Дж. Диксон и Е. Топольский акцентировали внимание на морфологии мемориального нарратива, Л. Ю. Логунова, В. А. Рычков, Й. Рюзен – на его типологических параметрах. Л. Б. Зубанова и М. Л. Шуб анализировали специфику репрезентации современного российского мемориального нарратива в пространстве СМИ, блогосферы и кинематографа.

Ф. Арьес, А. В. Святославский, П. Хаттон, Э. Хобсбаум, М. Л. Шуб, Ж.-Ш. Шурек являются авторами работ, посвященных коммеморациям как одному из форматов официальной мемориальной деятельности.

Г. Бозоглу, З. Бонами, Л. А. Брагина, А. М. Разгон, Э. Содаро изучали мемориальные музеи (и российские, и мировые) как центры генерации и презентации официальной мемориальной риторики, их генетическую специфику в сравнении с музейной институцией как таковой, особый функционал и опыт существования в различных социальных и политических контекстах.

Феномену мемориального искусства посвящены работы А. Ассман, И. Хеджес (родоначальник отдельного направления в мемориальных исследованиях – «cinema memory»), М. Хирш, М. Л. Шуб, которые на примере различных видов искусства (перформанс, кинематограф, литература, изобразительное искусство) иллюстрировали механизмы визуализации содержания официального или альтернативного ему нарратива.

Одним из наиболее востребованных сегодня направлений мемориальной деятельности является мемориальный туризм. Он в равной степени может рассматриваться и как часть государственной политики памяти, и как часть повседневных (нередко экстремальных) мемориальных стратегий. Данные аспекты мемориального туризма нашли отражение в трудах Н. Дрвенкар, Дж. Ленона, М. Фоли, Е. Чоена. К. Б. Костин и Н. Ли посвятили целую серию работ осмыслению причин популярности мемориального, в том числе и «черного» туризма. А. В. Ситон изучал типы мемориальных путешествий; Ф. Стоун – их классификацию; А. Ассман – связь с «местами травмы», то есть с травмирующими воспоминаниями.

Отдельная группа исследователей занималась изучением мемориальной культуры сквозь призму виртуальной формы ее бытования. Так, например, Д. Р. Кристенсен и С. Готвед сосредоточили свое внимание на практиках онлайн-поминовения. Т. Вальтер рассматривал мемориальную

культуру как совокупность кейсов виртуального переживания смерти, репрезентированного посредством различных типов онлайн-траура. Э. Майер и К. Леггеви анализировали специфику превращения личных воспоминаний о трагедии 11 сентября 2001 года в коллективную киберпамять. Группа исследователей (Дж. Р. Бейкер, Э. Виллинс, П. Дауриш, Б. Кэрри, К. Ландри, Дж. Р. Найес, П. Ферруччи) акцентировали внимание на изучении «мертвых страниц» в социальных сетях и на их функционировании после смерти их владельцев.

Частная мемориальная активность (стихийные коммеморации) стала главной темой изучения П. Ж. Маргри, К. Санчез-Карретеро, Дж. Сантино. Практики создания придорожных крестов и иных объектов спонтанной мемориализации стали предметом исследований Х. Эверетт, А. Юджиной, А. Соколовой (она же занималась изучением мемориальных кейсов как реакции на локальные трагедии).

Значимая часть работы посвящена мемориальной культуре Чеченской Республики. Поскольку в основе мемориальной культуры лежит надындивидуальная память и базовый мемориальный контент, ее составляющий, мы не могли не обратиться к выявлению и анализу такого рода контента («узлы памяти») культурной памяти чеченского народа. Различные знаковые события чеченской истории рассматривались в работах М. Блиева, М. Вачагаев, Э. Дармиловой, В. Ф. Димаевой, С. Жемчураевой, З. Ибрагимова, З.С. Исакиевой, М.М. Керимова, С. С. Цуцулаевой, В. Шнирельмана, М. Яндиевой и др.

Феномен мемориальной культуры Чеченской Республики остается фактически вне поля зрения современных исследователей. В данном контексте исключения составляют лишь работы А. Х. Борова (общий исторический, социально-политический контекст формирования мемориальной политики народов Северного Кавказа), О. С. Павловой (специфика национальной чеченской идентичности, в том числе роль в ее формировании исторических представлений, традиций, обычаев и пр.), В. Х. Тхакахова (проблема мемориальной топонимики городов Северного Кавказа), В. Шнирельмана (специфика становления исторического знания и исторических мифов на Северном Кавказе, содержание картины прошлого).

В качестве источниковой базы выступили:

1. официальные государственные документы, позволившие определить нормативно-правовую стратегическую основу политики памяти Чеченской Республики: Государственная программа Чеченской Республики «Развитие культуры и туризма в Чеченской Республике», Единая Концепция духовно-нравственного воспитания и развития подрастающего поколения Чеченской Республики, Концепция государственной национальной политики Чеченской Республики, Стратегия социально-экономического развития Чеченской Республики до 2035 года, Указ Президента РФ «О

национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года»;

2. стенограммы официальных публичных выступлений Р. Кадырова (Инаугурация Рамзана Кадырова, интервью Р. Кадырова Телеканалу «Россия 24», интервью «Крах однополярного мира. Мнение Рамзана Кадырова по ситуации на Украине», Текст послания Главы Чеченской Республики на 2019 год, Текст послания Главы Чеченской Республики на 2022 год);

3. интервью современных чеченских режиссеров (Р. Магомадова, Б. Терекбаева, А. Юшаева), опубликованные в формате свободного доступа на различных сетевых площадках.

Проведенный анализ теоретической базы диссертации наглядно иллюстрирует две очевидные тенденции: во-первых, дефицит системных, концептуальных исследований мемориальной культуры как феномена; во-вторых, фактически полное отсутствие исследовательского внимания к феномену мемориальной культуры Чеченской Республики и всего Северного Кавказа.

На основании этого можно говорить о **проблеме исследования**, заключающейся:

– во-первых, в недостаточной проработанности (и на теоретическом, и на методолого-инструментальном уровнях) культурологической концепции мемориальной культуры, репрезентующей не только собственно представления о прошлом носителей той или иной культуры, но и их ценностные, мировоззренческие, идентификационные установки, которые могут и должны учитываться при разработке важнейших стратегических государственных документов в сфере культуры и национальной политики;

– во-вторых, в отсутствии исследовательской практики социокультурной локализации концепции мемориальной культуры применительно к современной Чеченской Республике, позволяющей более глубоко понять специфику чеченской культуры, содержание идентичности чеченского народа на современном этапе его развития, особенности национального самосознания и самопрезентации в социокультурном пространстве, оптимизировать межкультурные взаимодействия с представителями иных культур.

Цель исследования: концептуализировать феномен мемориальной культуры (определить терминологические и сущностные границы, функционально-морфологические и типологические параметры); адаптировать разработанную концепцию для выявления сущности современной мемориальной культуры Чеченской Республики.

Задачи:

1. На основе критического анализа гуманитарных концепций определить место мемориальной культуры в актуальной исследовательской практике, теоретико-методологические тренды ее изучения;

2. Концептуализировать феномен мемориальной культуры на терминологическом, сущностном, типологическом, функциональном уровнях;

3. Дать характеристику структуры мемориальной культуры с точки зрения различных критериальных оснований;

4. Выявить узлы памяти чеченского народа – наиболее знаковые исторические «события», определяющие актуальные представления о прошлом, национальной истории и содержание идентичности чеченцев, и дать им комплексную интерпретацию;

5. Обосновать содержание государственной мемориальной политики Чеченской Республики;

6. Определить особенности официального уровня мемориальной культуры современной Чеченской Республики посредством анализа его ключевых направлений (мемориальный нарратив, мемориальное искусство, мемориальный нейминг);

7. Разработать и апробировать методику культурологической диагностики «социального» («низового») уровня мемориальной культуры Чеченской Республики;

8. Осмыслить особенности когнитивного (персонифицированного и топографического) и деятельного (мемориальная активность) измерений современной чеченской мемориальной культуры;

9. Определить основные характеристики современной мемориальной культуры Чеченской Республики, ее эффективность, точки пересечения официального и «социального» уровней.

Объект исследования: Феномен мемориальной культуры.

Предмет исследования: Сущностные, структурные, функциональные, типологические параметры мемориальной культуры как феномена и специфика их репрезентации в социокультурных реалиях современной Чеченской Республики.

Научная новизна исследования. Основные результаты исследования, определяющие его научную новизну:

– на основе систематизации и критического анализа многообразия гуманитарных концепций зафиксирован теоретико-методологический контекст изучения мемориальной культуры, выявлены содержательно-смысловые лакуны в осмыслении данного феномена, зоны концептуальных противоречий;

– разработана концепция мемориальной культуры как системы историко- и социально-детерминированных, устойчивых, воспроизводимых способов познания, интерпретации, описания, сохранения, трансляции прошлого, репрезентируемых в различных формах мемориальной деятельности; обоснованы ее сущностные черты, морфологические, типологические и функциональные, субъектные (акторные) параметры;

– определена структура мемориальной культуры с позиции различных критериальных оснований: соподчинения, регламентированности и функциональности;

– выявлены и интерпретированы наиболее значимые узлы памяти чеченского народа (принятие ислама, кавказские войны, депортация чеченского и ингушского народов, участие в ВОВ, российско-чеченский войны), позволившие сделать выводы о специфике национальной чеченской культурной памяти;

– на основе нарративного анализа официальных государственных стратегических документов выделены ключевые тренды актуальной мемориальной политики Чеченской Республики (преобладающая роль государства; понимание мемориальной политики как условия формирования и укрепления национальной идентичности; системность; созидательный характер; масштабность; адапционность; концептуальная рандомность);

– осуществлен анализ официального уровня современной мемориальной культуры Чеченской Республики (мемориальный нарратив, мемориальное искусство, мемориальный нейминг), позволивший сделать вывод о позиционировании государства как базового мемориального актора; синтезе уважения к прошлому и деятельной устремленности в будущее; восприятию прошлого как идентификационной основы и ресурса актуальности; преобладании национального (локального) и военно-религиозного компонентов мемориальной культуры;

– на основе апробации авторской методики культурологической диагностики «социального» уровня мемориальной культуры выявлены особенности его когнитивного элемента (персонифицированного и топографического измерений), в рамках которого основной акцент делается, во-первых, на национальной истории и современности, во-вторых – на политической, военной и религиозной сферах, в-третьих – на гармоничном единстве публичного и приватного;

– зафиксированы и содержательно определены отличительные черты мемориальной активности современных чеченцев (доминирование частно-семейных форм поминовения, высокий уровень их повседневной востребованности, резистентность к современным, виртуально-сетевым формам мемориализации);

– обоснованы особенности современной мемориальной культуры Чеченской Республики (традиционность и консервативность; доминирование милитаристского и религиозного смысловых компонентов; консолидированность; локальное центрирование; приватность; коллективный характер; эффективность).

Теоретическая и практическая значимость работы. Теоретическая значимость представленного диссертационного исследования видится в концептуализации феномен мемориальной культуры. В частности, автором

на основе анализа значительного массива трудов исследователей-гуманитариев зафиксирована ситуация, с одной стороны, широкой востребованности понятия «мемориальная культура», а, с другой – недостаточной теоретической и методологической проработанности соответствующего ему феномена. В работе представлено терминологическое оформление мемориальной культуры как системы «взаимодействия» с прошлым в рамках той или иной культуры (его сохранение, интерпретация, инструменты трансляции, актуализации, выстроенные на этой идейно-ценностной базе мемориальные формы деятельности и пр.); определены ее сущностные черты (позволяющие содержательно разграничить мемориальную культуру от близких ей понятий, например, культурной памяти); выявлены функции и типы мемориальной культуры, ее акторы, то есть наиболее активные субъекты мемориальной деятельности; предложен авторский подход к структуре мемориальной культуры. С опорой на теоретическую концепцию автор диссертации разработал собственную методику изучения локально-национального варианта мемориальной культуры – мемориальной культуры Чеченской Республики. Данная методика ориентирована на осмысление как официального уровня чеченской мемориальной культуры (государственная мемориальная политика и формы ее реализации в сфере официальной риторики, искусства, городского нейминга), так и ее «низового» уровня (системы мемориальных представлений и мемориальной активности современных жителей Чечни). Ее апробация позволила в целом сформулировать специфику мемориальной культуры Чеченской Республики, определить ее эффективность, увидеть контурные перспективы развития.

Практическая значимость представленного диссертационного исследования заключается в возможности использования его результатов в педагогическом процессе, при подготовке образовательных курсов, например, по истории Чеченской Республики, культурологии, истории культуры, культурной политике, национальной политике, социокультурному менеджменту, *memory studies*.

Диссертация также может стать основой при разработке авторских курсов для обучающихся по программам магистратуры и аспирантуры «Феномен мемориальной культуры», «Современная мемориальная культура Чеченской Республики».

Результаты прикладного исследования, а также теоретические выводы, сделанные автором диссертации, могут быть использованы при разработке различных государственных документов (стратегий, планов) в сфере культурной и национальной политики как Чеченской Республики, так и Российской Федерации.

Методология и методы диссертационного исследования. Феномен мемориальной культуры является объектом изучения целого ряда

гуманитарных дисциплин и отраслей научного знания, поэтому в представленной диссертации мы апеллировали к теоретико-методологическому и методическому инструментарию различных наук – культурологии, истории, философии, искусствоведения, социологии и др. Оговоримся, что, хотя мемориальная культура является центральной темой *memory studies*, мы не обращались к их методологическому арсеналу (хотя учитывали наработки отдельных представителей), поскольку последние не выработали собственной, уникальной методологии, используя методологические достижения гуманитаристики в целом.

В самом словосочетании «мемориальная культура» заложен отсыл к базовым в контексте нашей диссертации категориям – культуре и памяти.

Под культурой мы понимаем одновременно и систему ценностей, выработанных и освоенных тем или иным обществом на определенном этапе его существования (ценностный подход); и деятельность, в ходе которой эти ценности находят свое практическое воплощение в различных поведенческих паттернах (деятельностный подход). Нельзя не отметить и подход к интерпретации культуры Ю. М. Лотмана, в рамках которого культура понимается как социальная память, как механизм генерации и трансляции текстов, выступающих в роли «мемориальных капсул».

В качестве исходных для диссертационного исследования методологических установок мы сформулировали следующие: во-первых, установку на системный подход к пониманию мемориальной культуры как совокупности разнообразных (по характеру, форме, субъекту, функциям и пр.) способов взаимодействия с прошлым; во-вторых, установку на то, что коллективная память, лежащая в основе мемориальной культуры и формирующая ее ретро-контент, транслирует реконструируемый, символически и эмоционально насыщенный, а не объективно научный образ прошлого (А. Ассман, Я. Ассман, Д. Лоуэнталь, А. Мегилл, П. Нора и пр.).

Отправной методологической точкой нашего исследования стала концепция мемориальной культуры А. Ассман, в рамках которой мемориальная культура трактуется как совокупная система социальных представлений о прошлом, репрезентуемая в различных видах и формах деятельности, как регламентируемых государством, так и являющихся инициативой отдельных людей. Хотя концепция А. Ассман была разработана и эмпирически адаптирована на материале немецкой мемориальной культуры, она в известной степени обладает свойствами универсальности и может применяться для осмысления иных национальных мемориальных культур.

При разработке авторского понимания сущности мемориальной культуры были также учтены идеи Ф. Артога (концепция режимов историчности), Й. Рюзена (концепция исторических нарративов), И. М. Савельевой и А. В. Полетаева (концепция символических универсумов).

Собственно, решение такого рода задачи было во многом возможно лишь благодаря выявлению специфических черт феномена мемориальной культуры в ряду близких, но нетождественных ей явлений. Данная методологическая задача решалась благодаря концептуальным наработкам К. Вельцера, А. В. Святославского, М. Л. Шуб (культура памяти), М. Б. Гурова, Н. А. Медушевского, О. Ч. Реут (мемориальная политика), О. Ю. Малиновой, А. И. Миллера, О. Ф. Русаковой (политика памяти), А. В. Трофимова (историческая политика).

Специфика взаимосвязи мемориальной культуры с различными типами надындивидуальной памяти (политической, культурной и коммуникативной) раскрывалась автором диссертации с опорой на концепции коллективной памяти А. Ассман, Я. Ассмана, М. Бэлла, М. Хальбвакса.

Определение типологически-критериальных оснований мемориальной культуры базировалось на теоретико-методологических идеях М. Бернхарда и Я. Кубика, Н. Копосова, Д. Н. Нечаева и О. В. Леоновой, М. Ротберга.

Структурно-функциональный подход к мемориальной культуре позволил увидеть в единстве и взаимосвязи, с одной стороны, ее социокультурную миссию, а, с другой – формы и способы реализации этой миссии.

Морфология мемориальной культуры выстраивалась с учетом двух методологических идей А. Ассман: во-первых, идеи о сложной, многоуровневой структуре мемориальной культуры (символическая политика как вершина «мемориальной пирамиды» и «многообразная активность всего общества» как ее основание); во-вторых, о репрезентативном характере мемориальной культуры, существование которой подтверждается и маркируется лишь посредством разнообразных «символических заменителей» (музеев, нарративов, художественных произведений, коммемораций и пр.).

При изучении смысло-ценностного ядра мемориальной культуры, мемориального нарратива, а также при последующем его анализе на примере чеченской мемориальной культуры, мы обращались к теоретическим (Дж. Верч: концепция нарративного шаблона, Дж. Диксон: концепция типологического многообразия мемориальных нарративов) и методико-инструментальным (Г. Гилл: методика анализа советского метанарратива, О. Ю. Малинова, А. И. Миллер: методика изучения локально-тематического мемориального нарратива, методика сравнения нарративов разных мнемонических акторов, Л. Б. Зубанова, Н. Л. Зыховская: методика анализа темпорального контента инаугурационных речей) исследованиям.

Понимание мемориального музея, с одной стороны, как пространства эмоциональных связей (Г. Бозоглу), а, с другой – как пространства рефлексии травм и производства опыта (Э. Содаро) позволило дать ему

комплексную характеристику, и как мемориального актора, и как коммеморативной среды.

Обращение к содержательно-деятельностной стороне мемориальной культуры (места памяти, коммеморации) стало возможным благодаря концепциям мест памяти П. Нора, концепции мемориальной инфраструктуры И. Ирвин-Зарецкой и методике компаративного анализа коммеморативных практик О. Ю. Малиновой.

Исходным пунктом изучения мемориальной культуры Чеченской Республики стало выявление наиболее значимых событий, определяющих содержание коллективной памяти чеченского народа. Это стало возможным благодаря теории узлов памяти М. Ротберга, Д. Саньяла и М. Сильвермана.

В этом же содержательном контексте чрезвычайно значимыми представляются две концепции, позволяющие понять специфику чеченской мемориальной культуры, как на стадии ее формирования, так и на стадии актуального функционирования – концепция реконструирования регионального прошлого и формирования этногенетических схем (на материале истории развития северокавказских народов) В. А. Шнирельмана и концепция мемориального нейминга (топонимической политики Чечни) В. Х. Тхакахова.

При изучении «низового» уровня современной мемориальной культуры Чеченской Республики использовался метод глубинного интервью (респонденты – 90 человек разновозрастных групп, этнические чеченцы, проживающие на территории Чечни). Обращение к методу глубинного интервью при осмыслении мемориальных представлений и форм мемориальной активности было продиктовано потребностью в выявлении особенностей неофициального (противоположного государственному, институциональному) уровня мемориальной культуры.

Положения, выносимые на защиту.

1. На основе критического анализа многообразных современных мемориальных концепций (М. Ален, Ф. Артог, А. Ассман, М. Бернхард и Я. Кубик, И. Зарецка, Т. Кулич, А. Парр, Й. Рюзен, А. В. Святославский и др.) зафиксирован ряд исследовательских трендов, раскрывающих актуальную специфику изучения мемориальной культуры: во-первых, высокая терминологическая востребованность мемориальной культуры (частота упоминания термина) при контрастно слабой содержательной проработке (концептуализации) данного феномена; во-вторых, как следствие, смысловое «растворение» понятия мемориальной культуры в ряду близких, но не синонимичных понятий (культура памяти, политика памяти, политика прошлого, историческая политика и др.); в-третьих, доминирование интереса к официальному, институциональному уровню мемориальной культуры (коммеморативные практики, медийные мемориальные стратегии и пр.) при практически полном его отсутствии в отношении стихийно-бытовых форм.

2. Учитывая указанные тренды автором диссертации была разработана концепция мемориальной культуры:

– дано авторское определение (мемориальная культура как система историко- и социально-детерминированных, устойчивых, воспроизводимых способов познания, интерпретации, описания, сохранения, трансляции прошлого, репрезентируемых в различных формах мемориальной деятельности);

– зафиксированы и охарактеризованы существенные черты мемориальной культуры (публичность, социальность, медиативность, воспроизводимость, ритуализированность, презентативность, деятельностная репрезентация);

– обозначены и проанализированы возможные акторы мемориальной культуры: институции (прежде всего, государство, политические партии), общественные организации, представители политики, образования, религиозной сферы, журналистики, искусства, социальные группы (например, семейный клан), частные лица и др.;

– предложены критерии типологизации мемориальной культуры (доминирующий актор, доминирующий тип репрезентируемой памяти, наличие/отсутствие консенсуса в интерпретации содержания и форм реализации, темпоральная, контентная и ритуальная устойчивость, доминирующий вектор мемориальной деятельности, степень проницаемости различных уровней, характер директивности реализации мемориальной деятельности, функциональная доминанта);

– выявлены и содержательно раскрыты функции мемориальной культуры (идентификационная, интеграционная, ценностно-формирующая, ритуализирующая, стабилизационная, манипулятивная, гуманистическая).

3. Системный подход к пониманию мемориальной культуры позволил определить ее структуру как сложную, многообразную и дифференцируемую с точки зрения различных критериев:

– критерий соподчинения (ядро, то есть идейно-ценностное основание, совокупность представлений о прошлом, его оценок, событийно-символического контента и пр.; периферия – деятельностное воплощение идейно-ценностных установок мемориальной культуры);

– критерий регламентированности (мемориальный нарратив: конвенциональная стратегия публичного позиционирования образа прошлого; официальные формы мемориальной деятельности: официальные коммеморации, деятельность государственных мемориальных музеев, индустрии художественного производства и пр.; неофициальные формы мемориальной деятельности: бытовые и стихийные коммеморации, «независимое» художественное производство, мемориальные программы частных музеев и пр.);

– критерий функциональности (мемориальный нарратив; мемориальные акторы; мемориальные медиумы: институциональные

каналы репрезентации содержания мемориальной культуры (музеи, СМИ, система образования и пр.); мемориальная деятельность: формы репрезентации содержания мемориальной культуры (коммеморативные практики, мемориальный туризм, кибермемориализация и др.)).

4. На основании результатов исследования, проведенного автором диссертации, и с учетом результатов аналогичных исследований иных авторов были выделены узлы памяти коллективной памяти чеченского народа, то есть наиболее знаковые «события» (не соответствующие в строгом смысле слова историческим фактам в силу своей эмоциональной окрашенности и мифологизированности) национального прошлого, которые оказывают мощнейшее влияние на самоопределение чеченцев, на их национальную идентичность и детерминируют общие особенности коллективной памяти. К узлам памяти были отнесены: принятие ислама, Кавказские войны; депортация (1944 г.) и репатриация (1957 г.) чеченского народа; участие в Великой Отечественной войне; российско-чеченские войны 90-х годов.

Анализ указанных ключевых событий позволил определить специфические черты мемориального контента культурной памяти: 1) бинарность (сочетание драматической и позитивной интерпретации одних и тех же событий); 2) доминирование национального компонента над общероссийским; 3) преобладание военного (военно-политического) мемориального нарратива над нарративами иных типов (спортивным, этническим, культурным и пр.); 4) архаизация и аксиологизация прошлого (стремление отодвинуть темпоральную границу национальной истории как можно дальше вглубь времен, оценка прошлого как «золотого века»); 5) персонификация прошлого (восприятие истории сквозь призму деятельности героических личностей).

5. Особенности национальной культурной памяти детерминируют содержание государственной мемориальной политики (политики памяти, исторической политики и пр.), то есть системы государственных ресурсов, в том числе финансовых, правовых, административных, целью практического использования которых является формирование определенного образа прошлого и выбор способов его репрезентации в пространстве актуальной культуры.

На основе анализа официальных документов (стратегий и программ развития) и отраженных в них ключевых направлений государственной мемориальной активности были определены следующие особенности современной мемориальной политики Чеченской Республики: 1) преобладающая роль государства как инициатора источника, регулятора, юридического и материального гаранта мемориальной деятельности; 2) понимание мемориальной политики как условия формирования и укрепления национальной идентичности, которая, с одной стороны, должна опираться на традиционную культуру, ценности, обычаи, уклад, а, с другой

– адаптироваться к новым, послевоенным и посткризисным условиям жизни; 3) системность (стремление использовать максимально продуктивно ресурсы всех мемориальных акторов и медиумов, включить в сферу внимания максимально возможное количество направлений мемориальной деятельности); 4) созидательный характер (культивирование конструктивного потенциала прошлого, истории, национальных традиций); 5) масштабность (включение в сферу мемориальных усилий Чечни не только собственного, национального, но общероссийского и общемирового прошлого); 6) адаптационность (ориентированность мемориальной политики Чеченской Республики на преодоление системного кризиса 90-х годов прошлого века); 7) концептуальная рандомность (отсутствие отдельного, специального официального документа, регламентирующего целенаправленную, разноуровневую, верифицируемую деятельность государства в сфере мемориальной культуры).

6. Указанные особенности государственной мемориальной политики, зафиксированные в официальных документах, практически воплощаются, во-первых, в пространстве мемориального нарратива, а, во-вторых, в различных формах официальной мемориальной деятельности (в контексте нашего исследования – это мемориальное кино и мемориальный нейминг). Данные объекты анализа не исчерпывают разнообразия официального уровня мемориальной культуры, однако являются наиболее важными и показательными, с одной стороны, формирующими паттерны восприятия прошлого (публичные выступления, кинематограф), а, с другой – отражающими уже сложившиеся в данной сфере принципы (кинематограф, нейминг).

На основе проведенного исследования были сделаны выводы об особенностях официального уровня мемориальной культуры Чеченской Республики, к которым относятся: 1) централизация и персонализация (с одной стороны, государство выступает неким обобщенным источником мемориальных усилий, их цензором и гарантом, с другой – оно персонифицируется в конкретных личностях – А. Х. Кадырове и Р. Кадырове, делая их акторами мемориальной культуры); 2) дуалистичность (ориентация на нивелирование, смягчение (но не забвение) травматичных переживаний прошлого, на равно активное обращение как к драматичным, так и позитивно окрашенным событиям истории и современности); 3) синтез историко-объективного и мифо-символического компонентов в картине прошлого; 4) презентизм (акцентирование настоящего как наиболее значимого модуса времени при уважительном отношении к прошлому); 5) локальность (ориентированность на национальный компонент – чеченскую культуру, историю, обычаи, героев прошлого и настоящего и пр.); 6) доминирование военно-религиозного мемориального контента; 7) позиционирование исторического прошлого, национальной памяти как

эффективного инструмента идейно-ценностной, ментальной адаптации к новым условиям жизни, ресурса формирования национальной идентичности.

7. Неофициальный («социальный», «низового») уровень мемориальной культуры реализуется, прежде всего, в пространстве лично-семейных мемориальных представлений и форм мемориальной активности. Этот уровень представляет собой социальную проекцию официальных мемориальных усилий, сферу приложения политики памяти. На основе апробации авторской методики культурологической диагностики современной мемориальной культуры Чеченской Республики были выделены, во-первых, базовые элементы низового уровня мемориальной культуры (когнитивный – мемориальные представления и деятельностный – формы мемориальной активности), во-вторых, их специфические черты.

Когнитивный элемент мемориальной культуры (общие представления о прошлом, его персонифицированное и топографическое измерения) отличается: 1) высоким аксиологическим статусом прошлого как ресурса построения позитивного и эффективного настоящего и будущего, темпоральной гармонизации и противостояния негативным последствиям глобализации; 2) восприятием прошлого как единства двух начал – рационально-фактического (прошлое как история) и социокультурного (прошлое как символическое пространство); 3) доминированием военного, религиозного и политического паттернов при определении значимых исторических персоналий и мемориальных объектов; 4) преобладанием локального (этнического) компонента в персональной и топографической идентификации прошлого; 5) наличием устойчивых «героических» и топографических доминант (общее единодушие в выборе значимых для мемориализации личностей и мест); 6) большой ролью социально-коллективного компонента (корреляция значимости исторических личностей с фактором их служения чеченскому народу, знаковых мест – с их потенциалом к коллективной мемориализации).

8. Деятельностный элемент современной чеченской мемориальной культуры представлен двумя типами мемориальной активности: личной и семейной. Под личной мемориальной активностью понимаются различные по форме, мотивации, интенсивности, характеру инициативности варианты персональной включенности человека в мемориальную деятельность (как в официальные коммеморации, так и в частные практики поминовения). Ее отличают: востребованность (высокий уровень вовлеченности респондентов, их заинтересованности в такого рода деятельности); универсальность (солидарность респондентов в выборе форм взаимодействия с прошлым); доминирование объектов частной мемориализации (могилы близких, семейные реликвии и пр.); интегрированность в повседневный жизненный уклад; мортальность (преобладание форм мемориализации, связанных со смертью);

консервативность (резистентность к современным, виртуально-сетевым формам мемориализации).

К особенностям семейной мемориальной активности (инициации различных видов мемориальной деятельности и/или участие в них членов семейного коллектива) относятся: 1) высокий уровень востребованности и вовлеченности респондентов; 2) семейно-созидательный и семейно-образующий статус (совместная мемориальная деятельность – посещение кладбищ, совместные молитвы, работа с семейным архивом и пр. – воспринимается современными чеченцами в качестве фундамирующего основания существования семьи); 3) интериорный, самозамкнутый характер (ориентация на мемориализацию самой семьи, а не внешних исторических событий или личностей); 4) традиционность и консервативность (преобладание традиционных, проверенных временем форм мемориальной активности, ее связь с базовыми ценностными, религиозными представлениями); 5) гармоничное единство религиозно-ритуального и информационно-познавательного компонентов (пропорциональная представленность мемориальной активности, связанной, как с религиозными поминальными практиками, так и с получением информации о прошлом); 6) доминирование устных форм семейно-мемориальной коммуникации (общение со старшими членами семьи, чтение и обсуждение исторических книг).

9. На основании обобщения теоретического материала и результатов эмпирического исследования были сформулированы особенности современной мемориальной культуры Чеченской Республики:

1) традиционность и консервативность, то есть ориентация на те формы взаимодействия с прошлым, которые можно назвать органичными в отношении национальной культуры, укорененными в образе жизни, актуализируемыми в повседневном укладе;

2) доминирование двух четко проявленных смысловых векторов – милитаристского и религиозного;

3) консолидированность (общая согласованность позиций различных акторов относительно базовых оценок прошлого и форм взаимодействия с ним);

4) локальное центрирование (ориентация всех элементов мемориальной культуры на национальную историю и современность, традиции, бытовой уклад, выдающихся личностей, на сохранение памяти о них и их актуализацию);

5) приватность и ограниченная социальность (низкая популярность официальных коммемораций на фоне высокой востребованности семейных практик поминовения, скептическое отношение к внешним, демонстративным проявлениям мемориальной деятельности, ориентированность на приватность и даже интимность взаимодействия с прошлым в границах узких групп и пр.);

б) эффективность (высокая степень разделяемости официального мемориального нарратива и высокий уровень социальной мемориальной солидарности, то есть отсутствие конфликтности в оценке респондентами значимых мемориальных явлений, объектов, процессов; отсутствия выраженных контркультурных позиций).

Степень достоверности и апробация результатов работы, изложение ее основных положений осуществлено в 70 научных публикациях, в том числе 19 из них в рецензируемых научных журналах, определенных ВАК при Министерстве науки и высшего образования Российской Федерации.

Результаты исследования прошли обсуждение на научно-практических конференциях различного уровня:

– **всероссийских:** «Диалоги о культуре и искусстве» (Пермь, 2021 г.); «Культурное наследие – от прошлого к будущему» (Санкт-Петербург; Москва, 2021 г.); «X Лазаревские чтения. Лики традиционной культуры в современном культурном пространстве: игровой универсум традиций» (Челябинск, 2022 г.); «Межотраслевые исследования как основа междисциплинарности науки» (Санкт-Петербург, 2022 г.); «Межотраслевые исследования как основа междисциплинарности науки» (Санкт-Петербург, 2022 г.); «Диалоги о культуре и искусстве» (Пермь, 2022); «Медиация: актуальность, современность, инновационность» (Липецк, 2023 г.); «Художественная культура и трансформация индустриального менталитета в условиях моногорода» (Магнитогорск, 2023 г.); «Культурные инициативы» (Челябинск, 2023 г.);

– **международных:** «Молодежь в науке и культуре XXI века» (Челябинск, 2021 г.); «Международный культурологический форум» (Петрозаводск, 2021 г.); «MEDIAОбразование: цифровая среда в условиях вынужденной метаморфозы» (Челябинск, 2021 г.); «Электронное информационное пространство для науки, образования, культуры» (Орел, 2021 г.); «Культурология, филология, искусствоведение: актуальные проблемы современной науки» (Новосибирск, 2021 г.); «Визуальные медиакommunikации и реклама: новые технологии и методология исследований» (Челябинск, 2022 г.); «Евразия-2022: социально-гуманитарное пространство в эпоху глобализации и цифровизации» (Челябинск, 2022 г.); «58-е Евсевьевские чтения» (Саранск, 2022 г.); «Карбышевские чтения. Наука на службе обществу» (Тюмень, 2022 г.); «Научно-инновационные исследования и разработки» (Саратов, 2022 г.); «Культурное наследие Северного Кавказа как ресурс межнационального согласия» (Геленджик-Москва, 2022 г.); «Родина: земля, народ, традиции» (Киров, 2022 г.); «Научно-инновационные исследования и разработки» (Саратов, 2022 г.); «Культура, наука, образование: проблемы и перспективы» (Нижевартовск, 2022 г.); «Молодежь в науке и культуре XXI века» (Челябинск, 2022 г.); «Фундаментальные и прикладные исследования

в науке и образовании» (Санкт-Петербург, 2023 г.); «Динамика гуманитарных и социально-экономических наук в условиях цифровой трансформации» (Белгород, 2023 г.).

Достоверность результатов подтверждается их использованием в практической деятельности соискателя: в разработке Единой Концепции духовно-нравственного воспитания и развития подрастающего поколения Чеченской Республики, утвержденной указом Главы Чеченской Республики от 5 октября 2021 г. № 177; в разработке и реализации культурно-просветительских проектов совместно с Министерством культуры Чеченской Республики, направленных на формирование национальной идентичности и сохранение традиционной чеченской культуры; в разработке и многолетней реализации образовательно-просветительского проекта для обучающихся общеобразовательных организаций «Память поколений» (совместно с Министерством образования и науки Чеченской Республики); в разработке и чтении авторского курса «Этнокультура и современность» для аспирантов ФГБОУ ВО «Чеченский государственный университет им. А.А. Кадырова», обучающихся по направлению подготовки 5.10. Искусствоведение и культурология, профиль подготовки 5.10.1. Теория и история культуры, искусства.

Отдельные аспекты диссертационной работы были апробированы при организации и проведении прикладных социокультурных исследований: «Наследие прошлого сквозь призму восприятия молодежи», «Духовные запросы в условиях этнокультуры».

Структура диссертационного исследования. Работа состоит из введения, трех глав, заключения, списка литературы, состоящего из 312 наименований, и приложений. Содержание работы изложено на 284 страницах.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ ДИССЕРТАЦИИ

В первой главе диссертации **«Теоретико-методологические основания изучения мемориальной культуры»** осуществлена концептуализация феномена мемориальной культуры, выявлены и проанализированы теоретико-методологические подходы к ее осмыслению, определены типологическое многообразие, функциональный потенциал и морфология мемориальной культуры.

В первом параграфе первой главы **«Мемориальная культура в контексте актуальных гуманитарных исследовательских трендов»** осуществлен критический анализ общей картины современных мемориальных исследований, выделены основные тренды актуальной мемориалистики, обозначены основные теоретико-методологические подходы к осмыслению сущности мемориальной культуры.

Научный интерес к мемориальной культуре интенсифицируется на фоне, с одной стороны, общего роста числа и разнообразия тематической повестки мемориальных исследований, диверсификации предметной области *memory studies* («экспансия» исследований памяти в смежные области гуманитарного знания, корреляция разнообразных социокультурных феноменов с мемориальным компонентом), а, с другой – стремления к теоретическим обобщениям, выработке устойчивой (но не лишенной разнообразия) методологии изучения мемориальных явлений.

В целом анализ зарубежного и отечественного опыта изучения мемориальной культуры позволяет сделать следующие выводы.

Во-первых, понятие «мемориальная культура» (как строгий научный термин) является новым и в общем еще не вполне освоенным и разработанным современной гуманитаристикой с точки зрения точности понимания его сущности, структуры, функционала и пр.

В научных текстах западных исследователей, которые на сегодняшний день составляют теоретическую основу изучения мемориальной культуры, чаще всего определение данного понятия отсутствует, а его смысл улавливается исключительно из повествовательного контекста. В российской мемориальной риторике определения мемориальной культуры хотя и предлагаются авторами (А. В. Святославский, Е. В. Сазонникова и др.), однако носят содержательно размытый характер и недостаточно очевидно фиксируют ее специфику как явления культуры.

В проанализированных исследованиях сущность мемориальной культуры связывается с:

– совокупностью разнообразных способов, инструментов, технологий, каналов формирования коллективной памяти и познания прошлого (А. Ассман, А. Парр, Г. Бозоглу, Е. В. Сазонникова);

– инструментами социального контроля (понимаемого предельно широко) и солидаризации (М. Аллен, Т. Кулич);

– набором частных и публичных форм поминальной деятельности и объективации траура и скорби (Д. Рефсланд Кристенсен, С. Готвед, Т. Вальтер, Х. Эверетт, А. Аркангели, М. Тамм, А. Юдкина, А. Соколова);

– намеренными коммеморациями в форме памятников (А. В. Святославский).

Во-вторых, в риторике различных исследователей нередко фигурирует целый спектр понятий, смысл которых близок или даже тождественен сущности понятия «мемориальная культура»: «темпоральный режим культуры» – А. Ассман, «режим историчности» – Ф. Артог, «исторический нарратив» – Й. Рюзен, «режим памяти» – М. Бернхард и Я. Кубик, «культура памяти» – Й. Ганценмюллер, А. В. Святославский, К. Шмид, М. Л. Шуб, «мемориальная политика» – М. Б. Гуров, Д. Н. Нечаев, О. В. Леонова, Н. А. Медушевский), «политика памяти» – О. Ю. Малинова,

А. И. Миллер, О. Ф. Русакова, «историческая политика» – К. Леггеви и К. Майер.

В-третьих, большинство проанализированных нами теоретико-методологических подходов апеллируют, прежде всего, к официальным усилиям в сфере «проработки прошлого», оставляя за пределами внимания частные формы мемориальной активности.

Учитывая данные теоретико-методологические обстоятельства (неопределенность смыслового наполнения понятия, широкий категориальный контекст его использования, акцентирование внимания на официальных формах мемориальной активности), мы сформулировали собственное определение мемориальной культуры, понимая под ней систему историко- и социально детерминированных, устойчивых, воспроизводимых способов познания, интерпретации, описания, сохранения, трансляции прошлого, репрезентируемых в различных формах мемориальной деятельности.

Во втором параграфе первой главы **«Сущностно-типологические и функциональные параметры мемориальной культуры»** были определены сущность, функции, акторы и критерии типологизации мемориальной культуры.

Во-первых, как следует из предложенного определения, в объем понятия «мемориальная культура» мы включаем не только деятельность государственных, политических, властных и общественных субъектов в сфере «проработки» прошлого, но и всех акторов, заинтересованных в различных видах мемориальной активности (в том числе и частной). Важным атрибутивным моментом в понимании сути мемориальной культуры является ее феноменологический характер. Другими словами, к мемориальной культуре относится только то, что можно считать социокультурным явлением, т.е. то, что обладает ценностным наполнением, определенной степенью темпоральной устойчивости, воспроизводимостью, репрезентативностью по отношению к определенной социальной группе (социальность), ритуализированностью и публичностью.

Во-вторых, в основе любой мемориальной культуры лежит мемориальный контент – тот образ прошлого, который объективируется, опредмечивается, визуализируется в ходе мемориальной деятельности. Источниками данного контента на разных уровнях бытования мемориальной культуры могут выступать три вида надындивидуальной памяти – политическая, культурная и коммуникативная.

В-третьих, акторами мемориальной культуры (субъектами реализации мемориальной деятельности) могут выступать институты (прежде всего государство, политические партии), общественные организации, представители политики, образования, религиозной сферы, журналистики, искусства, социальные группы (например, семейный клан), частные лица и др. Разные акторы имеют различные ресурсы влияния на существующую

картину прошлого, его интерпретацию и актуализацию; мотивы их включенности в мемориальную деятельность также различны (от поминовения умерших до легитимизации собственной власти) и определены функциональными возможностями мемориальной культуры в том или ином обществе.

В-четвертых, в наиболее общем виде к универсальным функциям мемориальной культуры относятся: идентификационная (обеспечение чувства причастности индивида к группе, разделяемым данной группой ценностям и картине мире); интеграционная (формирование устойчивых связей человека с группой, осознание ее специфичности в сравнении с другими и одновременная дифференциация от них); ценностно-формирующая (аккумуляция и трансляция этического заряда, отражающего ценностные ориентации общества в целом или его отдельных подсистем; поддержание общесоциальных аксиологических ориентиров во времени и пространстве); ритуализации (обеспечение ценностно-нормативного трансфера от акторов мемориальной политики к ее субъектам посредством вовлечения последних в ритуализованную мемориальную деятельность); стабилизационная (обеспечение преемственности поколений, нивелирование темпорального разрыва); манипулятивная (формирование и поддержание «желательного» образа прошлого посредством инструментов официальной политики памяти – СМИ, образование, мемориальный нарратив, коммеморативные практики и пр.); гуманистическая (возможность публичного проявления чувства скорби, сожаления от утраты, визуализации стремления к сохранению памяти о значимом событии, человеке или группе).

В-пятых, выявление и описание различных типов мемориальной культуры возможно лишь в ходе проведения реальных эмпирических исследований. Уровень абстрактного теоретизирования позволяет лишь выделить критерии для подобного определения типологического многообразия мемориальных культур. К такого рода критериям можно отнести: доминирующий актор (государство, социальные группы, лидеры мнений и др.); доминирующий тип (типы) репрезентуемой памяти (политической, культурной, коммуникативной); наличие/отсутствие консенсуса в интерпретации содержания и форм реализации мемориальной культуры между различными акторами, типами памяти; темпоральная, контентная и ритуальная устойчивость мемориальной культуры; функциональная доминанта мемориальной культуры; доминирующий вектор (векторы) мемориальной деятельности; степень проницаемости (ценностной, обрядовой и пр.) различных уровней мемориальной культуры; характер директивности реализации мемориальной деятельности, жесткость регламентации ее наполнения и др.

В третьем параграфе «Структура мемориальной культуры» предлагаются варианты определения структуры мемориальной культуры в зависимости от различных критериев:

1. Критерий соподчинения. В данном случае мемориальная культура предстает системой, состоящей из ядра (идейно-ценностное основание, совокупность представлений о прошлом, его оценок, ретро-контента и пр.) и периферии (деятельностное воплощение идейно-ценностных установок мемориальной культуры).

2. Критерий регламентированности. В зависимости от степени и характера влияния официальной политики памяти на отдельные компоненты мемориальной культуры можно выделить: мемориальный нарратив (концентрированное выражение официальной мемориальной повестки), официальные формы мемориальной деятельности (официальные коммеморации, мемориальные программы государственных музеев, индустрии художественного производства и пр.), воплощающие установки официальной политики памяти в большей или меньшей степени, но не противоречащие ей; неофициальные формы мемориальной деятельности (бытовые и стихийные коммеморации, «независимое» художественное производство, мемориальные программы частных музеев и пр.), занимающие по отношению к официальной политике памяти преемственную, альтернативную или конфронтационную позиции.

3. Критерий функциональности. Данный критерий акцентирует внимание на функциях различных компонентов мемориальной культуры:

- конвенционально-презентационная функция (мемориальный нарратив);
- инициативно-деятельностная (мемориальные акторы);
- посредническая (мемориальные медиумы: «места памяти», то есть материальные объекты, призванные увековечить память о значимых событиях и/или личностях прошлого; мемориальные музеи и выставки, то есть музейные комплексы, отдельные музеи, локальные выставочные проекты, ориентированные на сохранение памяти о значимом событии и/или личности путем музеефикации памятного места, здания, комплекса мемориальных предметов и пр.; мемориальное искусство, то есть комплекс произведений искусства, целенаправленно ориентированных на увековечивание памяти о личности, событии, эпохе, явлении художественными выразительными средствами);
- репрезентационная (направления мемориальной деятельности).

К формам мемориальной деятельности были отнесены следующие:

1) официальные коммеморативные практики (совокупность официально регламентированных, коллективных, публично ориентированных, сценарно подкрепленных форм мемориализации прошлого, транслирующих ценностно-нормативное содержание мемориальной культуры);

2) стихийные коммеморации (спонтанные, официально нерегламентированные, организуемые частной инициативой отдельных лиц или социальных групп формы поминовения, связанные, как правило, с трагическими событиями актуального прошлого);

3) мемориальный туризм (вид туризма, связанный с посещением организованных достопримечательностей и стихийно созданных мемориальных объектов – захоронений, музеев, мест сражений и массовой гибели людей и пр.);

4) кибермемориализация (все виды и формы мемориальной деятельности, реализуемой в пространстве Интернета).

На практике граница между различными структурными элементами мемориальной культуры более чем условна и проницаема: одни практики поминовения тесно связаны с другими как на уровне содержательного наполнения (например, мемориальный туризм и мемориальные музеи), так и на уровне способов бытования (например, официальные и спонтанные коммеморации).

В рамках диссертационного исследования в качестве точки опоры в определении и описании структуры мемориальной культуры был взят второй критерий (регламентации), на основании чего во второй и третьей главах диссертации последовательно анализировались официальный (мемориальный нарратив, мемориальное искусство, мемориальный нейминг) и неофициальный, социальный (личные и семейные коммеморации) уровни бытования мемориальной культуры.

В рамках второй главы диссертации **«Культурная политика Чеченской Республики в сфере мемориальной культуры: смысловые истоки и актуальные тренды»** рассматривается, во-первых, образ прошлого, сложившегося в представлениях современных чеченцев и составляющего фундамент национальной культурной памяти (идейно-смысловой основы реализации государственной политики в сфере мемориальной культуры), а, во-вторых, специфика его (образа прошлого) репрезентации на официальном уровне.

Первый параграф второй главы **«Узлы памяти чеченского народа: анализ ключевых мемориальных нарративов»** посвящен осмыслению ключевых «узлов памяти» чеченского народа, то есть наиболее значимых, поворотных «событий» чеченской истории в представлении современных чеченцев. Определение и осмысление узлов памяти помогает понять, с одной стороны, как чеченцы представляют себе прошлое (и потом воплощают эти представления на неофициальном, бытовом уровне в рамках личной и семейной мемориальной деятельности), а с другой стороны зафиксировать тот образ, с которым работает властный дискурс при формировании официальной мемориальной политики.

Критериальными основаниями узлов памяти выступают: 1) определяющее значение события для национальной истории, культуры,

идентичности; 2) активная включенность в процессы мемориализации; 3) интегрированность события в актуальное событийное пространство, его влияние на различные политические, социальные и иные процессы.

Выявление узлов чеченской культурной памяти осуществлялось с опорой на результаты глубинного интервью, проведенного автором диссертации, и результаты тематических исследований других авторов. На этом основании к узлам памяти нами были отнесены: принятие ислама, Кавказские войны; депортация (1944 г.) и репатриация (1957 г.) чеченского народа; участие в Великой Отечественной войне; российско-чеченские войны 90-х годов. Все указанные узлы памяти оказали и оказывают до сих пор мощнейшее влияние на самоопределение чеченцев, на их национальную идентичность и детерминируют общие особенности национальной чеченской культурной памяти (и в конечном итоге – и мемориальной культуры).

Особенностями культурной памяти чеченского народа являются:

– бинарность в оценке значимых событий прошлого: осознание события как трагического, травматичного для национальной судьбы чеченского народа и одновременная способность видеть в нем конструктивно-созидательный потенциал (Кавказские войны оцениваются чеченскими историками и публицистами и как пример стойкости, мужества, отваги чеченцев, их стремления к свободе, и как пример предательства их национальных интересов, посягательства на независимость);

– доминирование национального компонента над общероссийским (преобладание узлов памяти, апеллирующих к национальной истории чеченского народа);

– преобладание военного (а точнее – военно-политического) мемориального нарратива, который проявился, прежде всего, в доминировании узлов памяти, связанных с войнами и военными кампаниями

– архаизация и аксиологизация прошлого, то есть, с одной стороны, стремление отодвинуть темпоральную границу национальной истории как можно дальше вглубь веков (вплоть до Античности, а иногда и дальше), архаизировать, «удревнить» этническое происхождение и культурные традиции чеченского народа; а, с другой стороны, восприятие этого архаического, предельно древнего прошлого как золотого века, ассоциируемого с временем истоков, свободы, независимости, культурного расцвета

– персонификация культурной памяти (конкретизация национальной истории через деятельность героических личностей, проявивших себя в различных сферах и являющихся образцом мужества и служения Родине).

Во втором параграфе второй главы **«Государственная мемориальная политика Чеченской Республики: анализ актуальных стратегических направлений»** были проанализированы основные

содержательные направления современной культурной политики Чеченской Республики в сфере мемориальной культуры.

Под мемориальной политикой понимается система государственных ресурсов, в том числе финансовых, правовых, административных, целью практического использования которых является формирование определенного образа прошлого и выбор способов его репрезентации в пространстве актуальной культуры.

Исследование (анализ официальных документов – стратегий, программ и пр.) позволило сделать вывод о том, что мемориальная политика в Чеченской Республике только формируется как самостоятельный объект государственного внимания. На сегодняшний день она «растворена» в других, более общих направлениях деятельности государства: национальном, духовно-нравственном, религиозном, культурно-туристическом и др. О мемориальной политике в современной Чечне следует говорить не столько как об отдельном секторе государственной культурной политики, сколько как об особом роде идейном основании, фундирующем различные сферы государственного регулирования.

Наибольшее внимание в контексте мемориальной политики уделяется построению идейно-концептуальной (формирование общих идеологических установок, составляющих основу коллективных представлений о прошлом, о национальной идентичности, содержании культурной памяти и т.п.) и нормативно-правовой (формирование новой и совершенствование существующей юридической базы в сфере мемориальной культуры) платформ ее существования.

Более частными, во многом производными от обозначенных выше, но не менее значимыми являются следующие направления мемориальной политики: религиозно-этическое (обращение к религии, истории, обычаям, традициям, фольклору чеченской культуры как базовому ресурсу формирования духовных основ современного чеченского общества, обладающему «нравственно-гуманистическим потенциалом»); охранно-восстановительное (обеспечение на организационном, правовом, научно-исследовательском уровнях оптимальных условий бытования объектов культурного наследия); мемориально-музейное (музеефикация объектов культурного наследия); военно-мемориальное (увековечивание памяти погибших при защите Отечества); языковое (популяризация национального чеченского языка и языковых традиций народов, проживающих на территории Чеченской Республики); художественно-творческое и спортивное (государственная поддержка национальных культурных традиций); коммеморативное (проведение различных мероприятий, приуроченных к памятным датам (в частности, вечеров памяти выдающихся деятелей культуры и искусства Чеченской Республики) и в память о выдающихся представителях российской и чеченской культуры);

туристическо-рекреационное (использование потенциала культурного наследия Чеченской Республики для повышения ее туристической привлекательности); реабилитационное (восстановление в правах представителей репрессированных народов и жертв политических репрессий).

Наиболее значимыми инструментами реализации мемориальной политики в Чеченской республике выступают: грантовые программы; тематические, как правило, фольклорные конкурсы и фестивали; деятельность волонтерских объединений; образовательные проекты.

Мемориальная политика Чеченской Республики, согласно проанализированным документам, носит транскультурный и трансрегиональный характер. Транскультурность подразумевает интерес к сохранению памяти не только о прошлом (истории, культуре, традициях) чеченского народа, но и о прошлом малых народностей, проживающих на территории Чечни, о российской и мировой истории в целом. Под трансрегиональностью подразумевается распространение целей, задач, содержания мемориальной культуры не только на представителей чеченского народа, проживающих на территории Чеченской Республики, но и на чеченцев, проживающих за ее пределами.

Значимыми особенностями мемориальной культурной политики современной Чечни являются: преобладающая роль государства как инициатора источника, регулятора, юридического и материального гаранта мемориальной деятельности, понимание мемориальной политики как условия формирования и укрепления национальной идентичности, которая, с одной стороны, должна опираться на традиционную культуру, ценности, обычаи, уклад, а, с другой – адаптироваться к новым, послевоенным и посткризисным условиям жизни, системность (стремление использовать максимально продуктивно ресурсы всех мемориальных акторов и медиумов, включить в сферу внимания максимально возможное количество направлений мемориальной деятельности), созидательный характер (культивирование конструктивного потенциала прошлого, истории, национальных традиций), масштабность (включение в сферу мемориальных усилий Чечни не только собственного, национального, но общероссийского и общемирового прошлого), адаптационность (ориентированность мемориальной политики Чеченской Республики на преодоление системного кризиса 90-х годов прошлого века), концептуальная рандомность (отсутствие отдельного, специального официального документа, регламентирующего целенаправленную, разноуровневую, верифицируемую деятельность государства в сфере мемориальной культуры).

Указанные особенности репрезентуются не только в программных, стратегических документах, но и на иных официальных уровнях бытования мемориальной культуры современной Чечни, в частности в пространстве мемориального нарратива (публичные выступления главы Чеченской

Республики), мемориального искусства (фильмы, снятые чеченскими режиссерами) и официальных коммемораций (мемориальный нейминг г. Грозного), исследованию которых посвящен третий параграф второй главы **«Официальный уровень современной мемориальной культуры Чеченской республики»**. Данные направления хотя и не исчерпывают все многообразие структурных компонентов мемориальной культуры, тем не менее, представляются наиболее важными и показательными, с одной стороны, формирующими паттерны восприятия прошлого (публичные выступления, кинематограф), а, с другой – отражающими уже сложившиеся в данной сфере принципы (кинематограф, нейминг).

1. Мемориальный нарратив. Нами были проанализированы тексты публичных выступлений (Послания, интервью, статьи и др.) политического лидера современной Чечни – ее президента Р.А. Кадырова. В качестве исследовательского метода применялся нарративный анализ, а изучаемыми категориями выступили: смысловой и событийный контекст упоминания прошлого; мемориальные акторы и медиумы; оценка прошлого; взаимосвязь модусов времени; речевые *past*-маркеры. Полученные результаты позволяют говорить о том, что прошлое интерпретируется в двух равнозначных ракурсах: как прошлое историческое (посредством апелляции к истории Чечни, ее трагическим и героическим страницам) и как прошлое символическое (этногенетический центр, источник национальной силы, вековых традиций и обычаев, национального характера, культурного уклада и пр.). Обоим ракурсам соответствует специфический характер их вербализации – строгий, терминологически выверенный в первом случае и метафорический, образный – во втором. Благодаря такому пониманию прошлого достигается обращение к предельно широкой по мировоззренческим, ценностным, политическим, интеллектуальным, профессиональным и даже возрастным параметрам целевой аудитории; максимально полное использование потенциала прошлого – и как пространства конкретного опыта, и как источника идентичности, и как ресурса национальной силы.

В качестве главных мемориальных акторов выступает как государство в целом, так и его конкретное воплощение в лице первого Президента Чеченской Республики А.-Х. Кадырова, преемственность управленческому курсу которого является главным доказательством и условием общетемпоральной преемственности.

Стоит отметить, что в целом официальные тексты не носят ретроориентированного характера, а, напротив, отражают нацеленность на актуальность и будущие преобразования. Хотя в проанализированных материалах и встречается эмоционально-позитивная оценка прошлого (как «золотого века», как времени истоков, как периода меньшей социальной и национальной напряженности), тем не менее, в целом оно оценивается, скорее нейтрально, как источник настоящего и важного опыта. В этом

смысле можно говорить о темпоральном паритете как о важнейшей особенности мемориального нарратива.

2. Мемориальный нейминг (практика наименований урбанистических объектов и элементов городской или шире – селитебной среды: улиц, проспектов, площадей, мостов и пр. в честь знаковых деятелей и событий прошлого). Основные специфические особенности современного чеченского мемориального нейминга отражают более общие особенности мемориальной культуры Чеченской Республики: мемориальный нейминг совпадает (точнее фиксирует, закрепляет) с процессами масштабного и разновекторного обновления – и формирования новой идентичности, и формирования нового послевоенного уклада жизни, и формирования новой (восстановленной или созданной заново) городской среды (синхронизация урбанистического и идеологического обновления). Данные процессы обуславливают необходимость, с одной стороны, закрепления в городской топонимике примет новой реальности (новые государственные лидеры, герои, знаковые события), а, с другой – соблюдения принципов преемственности прошлого и настоящего (сохранение старых, советских названий), отсутствия революционно-радикального подхода к процессам наименования городских объектов. Особое внимание в мемориальном нейминге уделяется локальной истории и современности, которые проявляются в нацеленности на коммеморацию национальных героев, событий национальной истории, местных традиций и т.п. На конкретно-содержательном уровне преобладают темы, связанные с военной, религиозной и спортивной сферами, отражающими смысл нохчо, своего рода чеченского кодекса чести.

3. Мемориальное искусство (кинематограф). Методом нарративного анализа (объем выборки – 14 фильмов, снятых в Чечне за последние 15 лет; категории анализа: темпоральная ориентированность сюжета (обращение к событиям современности, недавнего или далекого прошлого); ценностный нарратив (обращение к общечеловеческим ценностям или ценностям, имеющим национальную природу, связанную с традициями чеченской культуры); эмоциональный контекст киноповествования (отражение трагических, позитивных или смешанных по эмоциональному окрасу событий); событийный нарратив (обращение к конкретным историческим событиям или сюжетам повседневности). В связи с ограниченным объемом аналитического материала (за последние 15 лет в Чечне было снято всего 14 фильмов) он не был дифференцирован по признаку мемориального содержания, а анализировался в целом.

Основные выводы, сделанные на основе анализа фильмов, в большинстве пунктов совпадают с теми, которые были получены в ходе осмысления мемориального нарратива и нейминга – презентизм (акцентирование настоящего как наиболее значимого модуса времени), тематика-сюжетная ориентированность на национальный компонент

(чеченская культура, история, обычаи и пр.), осознание идентификационного потенциала кинематографа как эффективного инструмента идейно-ценностной, ментальной адаптации к новым условиям жизни, как механизма сохранения и пополнения объема коллективной памяти. Специфическими по сравнению с мемориальным неймином чертами современного чеченского кинематографа являются черты, обусловленные, прежде всего, особенностями его выразительного языка и художественной природой – событийность и сложный (смешанный, драматичный) эмоциональный контекст репрезентации образа прошлого.

При этом, чеченские кинематограф, равно как и мемориальный нейминг и в целом мемориальная политика, ориентирован на нивелирование, смягчение (но не забвение) травматичных переживаний прошлого, на равно активное обращение как к драматичным, так и радостным событиям истории и современности.

Третья глава диссертации **«Социальный» уровень современной мемориальной культуры Чеченской Республики: культурологическая диагностика когнитивного и деятельностного элементов»** посвящена комплексному анализу неофициальной, «низовой» сферы бытования чеченской мемориальной культуры как на уровне представлений о прошлом (когнитивный элемент), так и на уровне мемориальной активности (деятельностный элемент). Данная глава была написана по итогам проведенного исследования, осуществленного в 2021-2023 годах методом глубинного интервью, в котором приняли участие 90 этнических чеченцев в возрасте от 18 до 75 лет, проживающих на территории Чеченской Республики.

В первом параграфе третьей главы **«Персонализированное и топографическое измерения современной мемориальной культуры Чеченской Республики»** анализируется когнитивный уровень современной чеченской мемориальной культуры. Основным акцентом делался на исследовании «низовых» представлений о прошлом, истории, традициях чеченского народа и связанных с ними национальных героев/антигероев (персонализированное измерение) и «местах памяти» (топографическое измерение, составление мемориально-топографической карты).

Общие представления о прошлом. Прошлое представляется значимым модусом времени в целом и, прежде всего, как ресурс для построения позитивного и эффективного настоящего и будущего (позволяет извлечь ошибки из исторических трагедий, обеспечить межпоколенную коммуникацию, осознать благополучие актуальности и пр.). Прошлое является условием темпоральной гармонизации настоящего, механизмом приостановки бешеного ритма жизни, быстротечности времени. Оно (посредством апелляции к основам национальной культуры и традиционным ценностям) позволяет противостоять губительным

последствиям глобализации, негативным проявлениям прогресса и в конечном итоге отстоять этническую самобытность и идентичность.

В ответах респондентов прошлое выступает не только чередой исторических событий, но и инкубатором смыслов, ценностей, символов, традиций. Такое понимание прошлого интегрирует в себе два начала – рационально-фактическое (прошлое как история) и социокультурное (прошлое как символическое пространство).

Персонафицированное измерение («прошлое в лицах»). По итогам данного блока исследования были выделены следующие тренды.

Во-первых, доминирование военной, общественно-политической и религиозной принадлежности героев.

Во-вторых, наличие устойчивых «героических» доминант – общее единодушие в выборе значимых для мемориализации личностей.

В-третьих, универсализм, т.е. выбор героев, которые в равной степени проявили себя сразу в нескольких «профессиональных» сферах (например, военной, общественной и политической).

Топографическое измерение (места памяти). В рамках изучения топографического направления все значимые места памяти были разделены на два типа – глобальные (расположенные за пределами Чечни) и локальные (располагающиеся на территории Чеченской Республики). В результате изучения данного измерения мемориальной культуры были выявлены следующие тренды.

1) Доминирование военно-политического (локальная мемориальная топография) и религиозного (глобальная мемориальная топография) компонентов в структуре мемориальной культуры. Например, самым популярным, выбранным около 50% респондентов, стал ответ, связанный с сакральным для мусульман паломничеством в Мекку. Специфика этого топографического объекта заключается в его нетуристической, культовой природе, подразумевающей сложность и многоступенчатость не только самого акта его посещения, но и подготовительного этапа. «Встреча» с данным мемориальным объектом начинается за тысячи километров от него с внутреннего, духовного настроя и особой нравственной работы.

2) В целом обозначенные мемориальные места носят внетемпоральный характер, не привязаны к конкретной исторической эпохе, событию или личности (за исключением Мемориального комплекса Славы имени А.-Х. Кадырова), а представляют собой знаковые мемориальные пространства, интегрирующие в себя целый комплекс коллективных воспоминаний и мемориальных объектов, практик, ритуалов.

3) Экстериорный характер обозначенных объектов: подавляющее большинство из них находятся за пределами Чеченской Республики. Это связано не столько с низким уровнем интереса к собственным, национальным знаковым мемориальным объектам, сколько с высокой степенью их изученности и желанием «съездить куда-то еще», «посмотреть

мир», «свое видели – надо и другое узнать». При этом стоит отметить один интересный момент. Самый востребованный объект – Мекка (Медина, Кааба) не воспринимается респондентами как нечто дистанцированное от них. Напротив, многие участники опроса говорили о том, что паломничество в Мекку – это естественное продолжение пути духовного освоения знаковых мусульманских объектов, начало которого положено в Чечне. В этом смысле территориальная удаленность объекта мемориализации не тождественна духовной удаленности от него.

4) Дуализм публичности и интимности. Респонденты примерно в равных пропорциях выбирали как места общественного (Мекка, мемориальные комплексы, городские пространства и пр.), так и частного поминовения. Более половины участников интервью специально отметили, что предпочтительными и приемлемыми для носителей традиционной чеченской культуры формами поминовения являются любые «закрытые», семейные, общинные, домашние практики, в том числе – посещение культовых мест, соответствующих вероисповеданию человека.

5) Коллективистский характер мемориальной активности. Среди обозначенных мемориальных объектов практически все можно назвать символами групповой мемориальной идентичности. Вероятнее всего, это объясняется коллективистским характером самой чеченской культуры, сильными групповыми связями, потребностью в повседневной социальной консолидации.

6) Консолидированность, то есть созвучие позиций респондентов в определении наиболее значимых памятных мест. Это свидетельствует, прежде всего, об отсутствии идентификационного конфликта, о том, что современные чеченцы отождествляют прошлое, память, историю с одними и теми же местами памяти.

Когнитивное измерение мемориальной культуры, связанное, прежде всего, с представлениями о прошлом, объективируется в пространстве конкретной мемориальной деятельности, которой посвящен второй параграф третьей главы диссертации **«Мемориальная культура Чеченской Республики сквозь призму личной мемориальной активности чеченцев: персональная, коммеморативная, виртуальная, семейная формы бытования».**

Под *персональной мемориальной активностью* понимаются различные по форме, мотивации, интенсивности, характеру инициативности варианты включенности человека в мемориальную деятельность. В данном случае речь идет именно об индивидуальном погружении в процессы мемориализации в противовес, например, семейной мемориальной деятельности, при которой групповое участие является обязательным условием ее реализации. Персональная мемориальная активность не замыкается исключительно на частных или индивидуально организованных форматах. Она в равной степени может выражаться в

участии в публичных, официальных мероприятиях, в приобщении к мемориальному волонтерству или стихийным актам поминовения.

К особенностям персональной мемориальной активности современных чеченцев были отнесены:

– солидарность в выборе видов мемориальной деятельности: наличие неких магистральных форм взаимодействия с прошлым, которые отражают доминантные национальные ценности – заботу о близких (в том числе умерших), уважение к выдающимся представителям чеченского народа, их почитание;

– доминирование объектов приватной мемориализации: столь сфокусированное внимание к памяти об умерших членах семьи, местам их захоронения, артефактам, связанным с семейной историей, родовым местам свидетельствуют о наличии выраженной потребности современных чеченцев в поддержании межпоколенной коммуникации, в том числе и за счет повторения традиционных мемориальных ритуалов;

– практическая вовлеченность респондентов с различные формы мемориальной активности;

– мортальность: преобладание форм мемориализации, связанных со смертью (посещение могил умерших членов семьи, близких, друзей).

Персональная активность может реализовываться не только на уровне приватной мемориализации, но и на уровне коммеморативной активности и участия в виртуальных актах поминовения.

Под коммеморативной активностью мы понимаем разновидность персональной мемориальной активности, проявляющуюся в участии людей в различных государственных, регламентированных, имеющих четкую сценарную, временную, пространственную структуру мемориальных мероприятиях (например, в официальных прощаниях, праздничных парадах, днях памяти и пр.).

Двумя наиболее выраженными чертами коммеморативной активности современных чеченцев являются, во-первых, однообразие (участие в одних и тех же мероприятиях), во-вторых, низкий уровень (отсутствие выраженной заинтересованности в участии).

Для сравнения в семейных формах мемориальной деятельности участвуют 100 % респондентов, в персональных – 99 %. Такой разрыв востребованности и интенсивности различных форм мемориальной деятельности объясняется, на наш взгляд, внешним характером официальных коммемораций и внутренним, имманентным, глубоко укорененным в повседневный уклад, систему религиозных представлений и ценностей характером персонально-семейной мемориализации. Поход на кладбище или беседа об истории семьи со старшими родственниками представляются современным чеченцам естественной частью их быта и образа жизни, укорененными в традициях и обычаях народа. Тогда как коммеморативные мероприятия, даже искренне разделяемые и вошедшие в

структуру национальной культурной памяти, выступают в этом контексте в некоторой степени искусственными и существующими отдельно от древних обычаев.

Виртуальные мемориальные практики представляют собой включенность респондентов в виртуальные формы мемориальной деятельности. Несмотря на достаточно большой процент респондентов (около четверти опрошенных), разделяющих позитивное восприятие виртуальных кладбищ, все же подавляющее большинство относится к данной актуальной форме мемориализации либо нейтрально-скептически, либо категорически отрицательно. В целом такая позиция коррелирует с ответами участников опроса об их сетевой мемориальной активности – 99 % из них на вопрос о членстве в виртуальных сообществах мемориальной тематики ответили отрицательно.

Под *семейной мемориальной активностью* мы понимаем инициирование различных видов мемориальной деятельности и/или участие в них членов семейного коллектива.

К особенностям данного вида мемориальной деятельности были отнесены:

– высокий аксиологический статус и практическая востребованность (большая, в сравнении с персональной мемориальной активностью): сама такая деятельность в этом контексте оказывается во многом семейно-образующей, поддерживающей единство членов семьи, общие для них ценности, память о предках и пр.;

– интериорный характер: направленность основных семейных мемориальных практик (участие в коллективных молитвах, посещение могил родных и близких, совместное прослушивание рассказов старших об истории рода, работа с семейным архивом, составление генеалогического древа и пр.) на мемориализацию семейной истории, членов семьи, значимых семейных артефактов и т. п., а внешних по отношению к семье событий или людей;

– традиционный и консервативный характер: историческая, обрядовая укорененность наиболее популярных форм семейной мемориальной активности (посещение могил, коллективные молитвы, беседы со старшими членами семьи и др.).

В **заключении** подводятся итоги диссертационного исследования, сформулированы основные особенности современной чеченской мемориальной культуры, среди которых:

1) доминирование двух четко проявленных смысловых векторов – милитаристского и религиозного, проявляющихся и в официальном мемориальном нарративе, и в представлениях «обычных» чеченцев, и в персонифицированном срезе мемориальной культуры, и в ее топографическом измерении;

2) традиционность и консервативность, т. е. ориентация на те формы взаимодействия с прошлым, которые можно назвать органичными в отношении национальной культуры, укорененными в образе жизни, актуализируемыми в повседневном укладе;

3) консолидированность: общая согласованность позиций различных акторов относительно базовых установок в отношении прошлого: его значимый аксиологический статус, высокий идентификационный потенциал, ресурсность в созидании будущего, приемлемость различных форм взаимодействия с ним, содержания его персонификационного, топографического, деятельностного измерений и пр.;

4) локальное центрирование: ориентированность всех элементов мемориальной культуры (нарратив, нейминг, искусство, музейная деятельность, персонификация, семейная мемориальная активность и пр.) на национальную историю, современность, традиции, бытовой уклад, почитание выдающихся личностей, сохранение памяти о них и их актуализацию;

5) приватность и коллективность: низкая популярность официальных коммемораций на фоне высокой востребованности семейных практик поминовения, скептическое отношение к внешним, демонстративным проявлениям мемориальной деятельности, ориентированность на приватность и даже интимность взаимодействия с прошлым в границах узких групп (родные, жители села, прихожане одной мечети), доминирование социальных форм мемориализации над личными и пр.;

6) эффективность: высокая степень разделяемости официального мемориального нарратива (т. е. совпадение базовых установок политики памяти и ее реципиентов, обычных людей), высокий уровень социальной мемориальной солидарности (отсутствие конфликтности в оценке респондентами значимых мемориальных явлений, объектов, процессов; отсутствие выраженных контркультурных позиций).

Основные результаты диссертационного исследования отражены в следующих **публикациях автора**:

Монография:

1. Ярычев, Н.У. Межпоколенческое взаимодействие в условиях социокультурной трансформации современного общества (социально-философский анализ): монография / Н.У. Ярычев [Текст] / Под общ. ред. проф. В.П. Римского / ГОУ ВПО «Чеченский государственный университет». – М.: ALMA MATER, 2008. – 167 с. ISBN 978-5-904629-41-0.

2. Ярычев, Н.У. Взаимодействие поколений в контексте современных цивилизационных процессов: монография / Н.У. Ярычев [Текст] / Науч. ред. д-р филос. наук, проф. Ф.С. Эфендиев / ФГБОУ ВО «Чеченский

государственный университет». – Кисловодск: изд-во УЦ «МАГИСТР», 2014. – 160 с. **ISBN 978-5-9906497-5-4.**

3. Ярычев, Н.У. Диалог поколений в культурно-цивилизационной системе современной России: монография / Н.У. Ярычев [Текст] / Науч. ред. д-р филос. наук, проф. В.П. Римский / ФГБОУ ВО «Чеченский государственный университет». – Кисловодск: изд-во УЦ «МАГИСТР», 2015. – 292 с. **ISBN 978-5-9906497-6-1.**

4. Ярычев, Н.У. Современная мемориальная культура Чеченской Республики (теоретико-методологические и прикладные аспекты изучения): монография / Ярычев Н.У. – Москва: Общество с ограниченной ответственностью «Издательство «Юнити-Дана», 2023. – 240 с. **ISBN: 978-5-238-03693-9**

Статьи, опубликованные в журналах, включенных в перечень ВАК при Минобрнауки России по специальности 5.10.1. Теория и история культуры, искусства (культурология):

5. Ярычев, Н.У. Актуальные мемориальные исследования: ключевые тренды и перспективы развития / Ярычев Н.У. – Текст: непосредственный // Вестник Кемеровского государственного университета культуры и искусств. – 2021. – № 57. – С. 23-28. **К1**

6. Ярычев, Н.У. Мемориальная культура: от категории к феномену / Ярычев Н.У. – Текст: непосредственный // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. – 2022. – № 5 (109). – С. 32-39. **К1**

7. Ярычев, Н.У. Мемориальный нейминг: основные тренды в сфере наименований объектов городской среды современной Чеченской Республики (на примере города Грозный) / Ярычев Н.У. – Текст: непосредственный // Вестник Кемеровского государственного университета культуры и искусств. – 2022. – № 58. – С. 81-86. **К1**

8. Ярычев, Н.У. Культурная память как понятие и явление: основания концептуализации / Ярычев Н.У. – Текст: непосредственный // Культура и искусство. – 2022. – № 12. – С. 11-20. **К2**

9. Ярычев, Н.У. Узлы памяти чеченского народа: анализ ключевых мемориальных нарративов / Н.У. Ярычев. – Текст: непосредственный // Вестник Кемеровского государственного университета культуры и искусств. – 2022. – № 61. – С. 23-31. **К1**

10. Ярычев, Н.У. Мемориальная культура в зеркале гуманитаристики: актуальные исследовательские тренды / Н.У. Ярычев. – Текст: непосредственный // Вестник культуры и искусств. – 2021. – № 4 (68). – С. 15-21. **К2**

11. Ярычев, Н.У. Функциональный потенциал мемориальной культуры / Н.У. Ярычев. – Текст: непосредственный // Культура и цивилизация. – 2022. – Т. 12. – № 1-1. – С. 157-163. **К2**

12. Ярычев, Н.У. Мемориальный нарратив сквозь призму официальной риторики Р.А. Кадырова: опыт культурологического анализа / Н.У. Ярычев. – Текст: непосредственный // Вестник гуманитарного образования. – 2022. – № 4 (28). – С. 118-125. **К2**

13. Ярычев, Н.У. Государственная мемориальная политика Чеченской Республики: анализ стратегических направлений / Н.У. Ярычев. – Текст: непосредственный // Вестник культуры и искусств. – 2022. – № 2 (70). – С. 55-61. **К2**

14. Ярычев, Н.У. Мемориальная культура как актуальный исследовательский тренд / Н.У. Ярычев. – Текст: непосредственный // Вестник культуры и искусств. – 2023. – № 2 (74). – С. 33-40. **К2**

15. Ярычев, Н.У. Традиционные ценности чеченской культуры сквозь призму современного чеченского кинематографа / Н.У. Ярычев. – Текст: непосредственный // Культурный код. – 2022. – № 3. – С. 62-68.

16. Ярычев, Н.У. Виртуальные кладбища как феномен DIGITAL MEMORY STUDIES / Н.У. Ярычев. – Текст: непосредственный // Сфера культуры. – 2023. – № 1 (11). – С. 87-93.

17. Ярычев, Н.У. Репрезентация мемориальной культуры в чеченской живописи (2000-2012 гг.) / Н.У., Ярычев, З.Р. Хамзатова. – Текст: непосредственный // Russian Studies in Culture and Society. – 2023. – Том 7 (№ 2). – С. 90-105.

18. Ярычев, Н.У. Персональная мемориальная активность в структуре мемориальной деятельности (опыт культурологической диагностики) / Н.У. Ярычев. – Текст: непосредственный // Культурный код. – 2023. – № 1. – С. 67-79.

19. Ярычев, Н.У. Семья как мемориальный кластер (специфика мемориальной активности современной чеченской семьи) / Н.У. Ярычев. – Текст: непосредственный // Вестник гуманитарного образования. – 2023. – № 2 (30). – С. 149-155.

20. Ярычев, Н.У. Специфика культурной памяти чеченского народа: анализ событийно-мемориального контента / Н.У. Ярычев. – Текст: непосредственный // Вестник Кемеровского государственного университета культуры и искусств. – 2023. – № 64. – С. 40-46. **К1**

21. Ярычев, Н.У. Мемориальный музей как актор мемориальной культуры / Н.У. Ярычев. – Текст: непосредственный // Челябинский гуманитарий. – 2023. – № 1 (62). – С. 97-102. **К2**

22. Ярычев, Н.У. Сохранение культурного наследия в Чеченской Республике (на примере военно-мемориальных памятников) / Н.У. Ярычев. – Текст: непосредственный // Культура и цивилизация. – 2023. – № 9А (Том № 13). – С. 220-228. **К2**

23. Ярычев, Н.У. Структура мемориальной культуры: анализ ключевых компонентов / Н.У. Ярычев. – Текст: непосредственный // Культура и цивилизация. – 2023. – № 10А (Том № 13). – С. 166-172. **К2**

**Статьи, опубликованные в журналах, включенных в перечень
ВАК при Минобрнауки России по другим научным
специальностям:**

24. Ярычев, Н.У. Идеалы и ценностные системы в культурном диалоге поколений / Н.У. Ярычев. – Текст: непосредственный // Экономические и гуманитарные исследования регионов. – 2015. – № 3. – С. 90-94.

25. Ярычев, Н.У. Эволюция религиозного сознания и диалог поколений / Н.У. Ярычев. – Текст: непосредственный // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. – 2015. – № 9. – С. 47-54.

26. Ярычев, Н.У. Культура взаимодействия в межпоколенческой человеческой общности / Н.У. Ярычев. – Текст: непосредственный // Экономические и гуманитарные исследования регионов. – 2015. – № 1. – С. 62-68.

27. Ярычев, Н.У. Место и роль традиционализма и модернизма в исламской онтологии / Р. Х. Даудов, Н.У. Ярычев. – Текст: непосредственный // Экономические и гуманитарные исследования регионов. – 2015. – № 4. – С. 108-115.

28. Ярычев, Н.У. Социализация как способ социального наследования в России / Н.У. Ярычев. – Текст: непосредственный // Право и практика. – 2017. – № 2. – С. 253-258.

29. Ярычев, Н.У. Аксиологические детерминанты межпоколенческого диалога / Н.У. Ярычев. – Текст: непосредственный // Экономические и гуманитарные исследования регионов. – 2019. – № 1. – С. 131-136.

30. Ярычев, Н.У. Повышение эффективности патриотического воспитания старших школьников на основе педагогического потенциала мемориальной литературы / Н.У. Ярычев, З.А. Саидов, Г.Н. Одишвили. – Текст: непосредственный // Мир науки, культуры, образования. – 2022. – № 4 (95). – С. 41-43.

Статьи в иных научных изданиях:

31. Ярычев, Н.У. К некоторым аспектам теоретического осмысления современных проблем сохранения чеченского языка и перспектив его дальнейшего развития / Н.У. Ярычев. – Текст: непосредственный // Сохранение и развитие чеченского языка в условиях социокультурной трансформации современного чеченского общества: Сборник материалов Республиканской научно-практической конференции (Грозный, 1 января 2008 года) / Под редакцией А.А. Дашаевой. – Грозный: Государственное бюджетное учреждение дополнительного профессионального образования «Чеченский институт повышения квалификации работников образования», 2008. – С. 12-17.

32. Ярычев, Н. У. Изменение межпоколенческого взаимодействия в условиях социокультурной трансформации современного российского

общества: проблемы культуры диалога / Н.У. Ярычев. – Текст: непосредственный // Третьи Левитовские чтения в Московском государственном областном университете. Проблема взаимодействия в психологии и социальной практике (Москва, 19-20 апреля 2008 года). – Москва: Московский государственный областной университет, 2008. – С. 342-346.

33. Ярычев, Н.У. Идеалы и идеи прошлых и современных поколений в контексте социальных ожиданий будущего / Н.У. Ярычев. – Текст: непосредственный // Вестник Чеченского государственного университета. – 2015. – № 2(18). – С. 167-173.

34. Ярычев, Н.У. Проблема «отцов и детей» в современном российском обществе / Х.Т. Гишлеркаева, Н.У. Ярычев. – Текст: непосредственный // Наука и молодежь: Материалы Всероссийской научно-практической конференции студентов, молодых ученых и аспирантов (г. Грозный, 26 октября 2017 года). – Грозный: Чеченский государственный университет, 2017. – С. 542-545.

35. Ярычев, Н.У. Теоретические основы культурно-цивилизационных и национально-исторических оснований диалога поколений / Н.У. Ярычев. – Текст: непосредственный // Известия Чеченского государственного университета. – 2017. – № 2(6). – С. 179-184.

36. Ярычев, Н.У. Формирование этнической идентичности в условиях мультикультурной среды / Л. Н. Шахсултанова, Н.У. Ярычев. – Текст: непосредственный // Наука и молодежь: Материалы Всероссийской научно-практической конференции студентов, молодых ученых и аспирантов (г. Грозный, 26 октября 2017 года). – Грозный: Чеченский государственный университет, 2017. – С. 478-480.

37. Ярычев, Н.У. Причины «мемориального разворота» современной культуры памяти / Н.У. Ярычев. – Текст: непосредственный // Материалы V Российский культурологический конгресс с международным участием «Культурное наследие – от прошлого к будущему» (Санкт-Петербург, 08-10 ноября 2021 года) / Российский научно-исследовательский институт культурного и природного наследия имени Д.С. Лихачёва (Институт Наследия), Санкт-Петербургский научный центр Российской академии наук, Санкт-Петербургский государственный университет, Российский государственный педагогический университет имени А.И. Герцена, Санкт-Петербургский государственный институт культуры, Российский институт истории искусств. – Москва: Издательство: Российский научно-исследовательский институт культурного и природного наследия им. Д.С. Лихачева, 2021. – С. 100-102.

38. Ярычев, Н.У. Культурная память как фактор сохранения национальной идентичности / Н.У. Ярычев. – Текст: непосредственный // Культурология, филология, искусствоведение: актуальные проблемы современной науки / Сборник статей по материалам LIII международной

научно-практической конференции № 12 (45). – Новосибирск: Изд. ООО «СибАК», 2021. – С. 31-36.

39. Ярычев, Н.У. Мемориальная культура в интернет-пространстве: обзор актуальных исследований / Н.У. Ярычев. – Текст: непосредственный // Международный культурологический форум: сборник статей Международной научно-практической конференции (Петрозаводск, 1 ноября 2021 года). – Петрозаводск: МЦНП «Новая наука», 2021. – С. 11-16.

40. Ярычев, Н.У. Феномен коммеморации в структуре мемориальной культуры / Н.У. Ярычев. – Текст: непосредственный / Ярычев Н.У. [Текст] // Материалы международного научно-творческого форума (научной конференции) «Научные школы. Молодежь в науке и культуре XXI века» (Челябинск, 18-19 ноября 2021 года). – Челябинск: Издательство: ФГБОУ ВО «Челябинский государственный институт культуры», 2021. – С. 97-100.

41. Ярычев, Н.У. Между метафорой и реальностью: основные подходы к пониманию надындивидуальной памяти / Н.У. Ярычев. – Текст: непосредственный // Материалы XI Всероссийской научно-практической конференции (с международным участием) «Диалоги о культуре и искусстве» (Пермь, 14-16 октября 2021 года). – Пермь: ФГБОУ ВО «Пермский государственный институт культуры», 2021. – С. 365-369.

42. Ярычев, Н.У. Мемориальный туризм как направление мемориальной культуры: сущность, типы, причины востребованности / Н.У. Ярычев. – Текст: непосредственный // Челябинский гуманитарий. – 2021. – № 3 (56). – С. 12-17.

43. Ярычев, Н.У. Феномен мемориального нарратива: теоретические основания и практики социокультурного бытования / Н.У. Ярычев. – Текст: непосредственный // Челябинский гуманитарий. – 2021. – № 4 (57). – С. 7-12.

44. Ярычев, Н.У. Феномен стихийной коммеморации: сущность, типы, функции / Н.У. Ярычев. – Текст: непосредственный // Сфера культуры. – 2022. – № 1 (7). – С. 13-19.

45. Ярычев, Н.У. Мемориальная литература как эффективное средство патриотического воспитания старших школьников / Н.У. Ярычев, Саидов З.А., Н.Г. Одишвили. – Текст: непосредственный // Проблемы современного педагогического образования. – 2022. – № 75-1. – С. 145-148.

46. Ярычев, Н.У. Музейно-мемориальная карта современной Чеченской Республики: специфика и тренды / Н.У. Ярычев. – Текст: непосредственный // Тезисы докладов Восьмого международного научного форума «Культурное наследие Северного Кавказа как ресурс межнационального согласия» (с. Кабардинка, Геленджик, санаторий «Жемчужина моря», 22-25 сентября 2022 года). – Москва: Издательство: Институт наследия, 2022. – С. 215.

47. Ярычев, Н.У. Виртуальные тегоу-сообщества в структуре медиапотребления (на примере Чеченской Республики) / Н.У. Ярычев. – Текст:

непосредственный // Сборник материалов VII Международной научно-практической конференции «MEDIAОбразование: цифровая среда в условиях вынужденной метаморфозы» (Челябинск, 22-24 ноября 2022 года) / Челябинский государственный университет. – Челябинск: ФГБОУ ВО «Челябинский государственный университет», 2022. – С. 265-269.

48. Ярычев, Н.У. Исторические условия формирования мемориальной политики в современной Чеченской Республике / Н.У. Ярычев. – Текст: непосредственный // ЕВРАЗИЯ-2022: социально-гуманитарное пространство в эпоху глобализации и цифровизации. Т. II. Общество, культура и искусство в исторической ретроспективе и современном мире: материалы Международного научного культурно-образовательного форума (Челябинск, 6-8 апреля 2022 г.) / под ред. Т. Ф. Семьян, А. В. Епимахова, О. Ю. Никоновой, С. Б. Синецкого. – Челябинск: Издательский центр ФГАОУ ВО «Южно-Уральский национальный исследовательский государственный университет», 2022. – С. 202-204.

49. Ярычев, Н.У. Депортация и репатриация чеченского народа как «мемориальные узлы» национальной памяти / Н.У. Ярычев. – Текст: непосредственный // Сборник научных трудов по материалам Международной научно-практической конференции 58-е Евсевьевские чтения. «Гуманитарные и общественные аспекты развития науки и образования в XXI в. (Саранск, 2022). – Саранск: Издательство: Мордовский государственный педагогический университет имени М.Е. Евсевьева, 2022. – С. 40-44.

50. Ярычев, Н.У. Искусство как направление мемориальной культуры / Н.У. Ярычев. – Текст: непосредственный // Карбышевские чтения. Наука на службе обществу: Сборник научных трудов международной научно-практической конференции / под общ. ред. Грошевой Л.И. в 5 т., Т.2 – Тюмень: ТВВИКУ, 2022. – С. 351-355.

51. Ярычев, Н.У. Кино как инструмент объективации мемориальной культуры / Н.У. Ярычев. – Текст: непосредственный // Материалы II Международной научно-практической конференции «Визуальные медиакommunikации и реклама: новые технологии и методология исследований» (Челябинск, 28-29 апреля 2022 года). – Челябинск: ФГБОУ ВО «Челябинский государственный университет», 2022. – С. 424-427.

52. Ярычев, Н.У. Музей как актер мемориальной культуры: специфика позиционирования в аудиторном контенте (на примере национального музея Чеченской Республики) / Н.У. Ярычев. – Текст: непосредственный // Материалы IX Международной научно-практической конференции, посвященной 50-летию Орловского государственного института культуры «Электронное информационное пространство для науки, образования, культуры» (Орел, 16-17 декабря 2021 года) / Науч. ред. и сост. В.В. Матвеев, Д.Н. Грибков, редколлегия: А.А. Аксютин, С.Н. Манько. – Орел:

Издательство: ФГБОУ ВО «Орловский государственный институт культуры», 2022. – С. 57-59.

53. Ярычев, Н.У. Историко-культурное наследие как источник развития актуальной мемориальной культуры чеченской республики / Н.У. Ярычев. – Текст: непосредственный // Сборник материалов всероссийской научной конференции с международным участием «X Лазаревские чтения «Лики традиционной культуры в современном культурном пространстве: игровой универсум традиций» (Челябинск, 25 февраля – 13 марта 2022 года) / Сост. Л.Н. Лазарева. Челябинск: Издательство ФГБОУ ВО «Челябинский государственный институт культуры», 2022. – С. 64-66.

54. Ярычев, Н.У. Политическая, культурная и коммуникативная память как ядро мемориальной культуры / Н.У. Ярычев. – Текст: непосредственный // Материалы XII Всероссийской научно-практической конференции (с международным участием) «Диалоги о культуре и искусстве» (Пермь, 12-14 октября 2022 года). – Пермь: Издательство ФГБОУ ВО «Пермский государственный институт культуры», 2022. – С. 932-935.

55. Ярычев, Н.У. Принятие ислама как ключевое событие национальной памяти чеченского народа / Н.У. Ярычев. – Текст: непосредственный // Научно-инновационные исследования и разработки: сборник статей X Международной научно-практической конференции (10 июня 2021 г. в года, г. Саратов). – Саратов: НОП «Цифровая наука», 2022. – С. 298-301.

56. Ярычев, Н.У. Стратегии актуализации прошлого: от культуры памяти к мемориальной культуре / Н.У. Ярычев. – Текст: непосредственный // Челябинский гуманитарий. – 2022. – № 2 (59). – С. 62-66.

57. Ярычев, Н.У. Знаково-символический ландшафт города: мемориальный компонент (на примере г. Грозный) / Н.У. Ярычев. – Текст: непосредственный // материалы международной научно-просветительской конференции «Родина: земля, народ, традиция» / Отв. ред. А. Г. Поляков. – Киров: Издательство ООО «ВЕСИ», 2022. – С. 100-105.

58. Ярычев, Н.У. Современная чеченская мемориальная культура: к вопросу об актуальности изучения / Н.У. Ярычев. – Текст: непосредственный // Материалы X Международной научно-практической конференции «Культура, наука, образование: проблемы и перспективы» (Нижневартовск, 10-11 ноября 2022 года.) / Отв. редактор Д.А. Погоньшев. – Нижневартовск ФГБОУ ВО «Нижневартовский государственный университет», 2022. – С. 418-423.

59. Ярычев, Н.У. Топографическое измерение мемориальной культуры современной Чеченской Республики / Н.У. Ярычев. – Текст: непосредственный // Межотраслевые исследования как основа междисциплинарности науки: сборник статей всероссийской конференции (Санкт-Петербург, декабрь 2022 года). – СПб.: ГНИИ «Нацразвитие», 2022. – С. 9-13.

60. Ярычев, Н.У. Культурная память как инструмент национальной медиации (на примере Чеченской Республики) / Н.У. Ярычев. – Текст: непосредственный // Материалы Всероссийской с международным участием научно-практической конференции «Медиация: актуальность, современность, инновационность» (г. Липецк, 19 октября 2022 года). – Липецк: ФГБОУ ВО «Липецкий государственный педагогический университет имени П.П. Семенова-Тян-Шанского», 2023. – С. 101-103.

61. Ярычев, Н.У. Историографические аспекты изучения мемориальной культуры / Н.У. Ярычев. – Текст: непосредственный // Фундаментальные и прикладные исследования в науке и образовании: сборник статей международной научной конференции (Санкт-Петербург, Май 2023 года). – Санкт-Петербург: ГНИИ «Нацразвитие», 2023. – С. 10-14.

62. Ярычев, Н.У. Коммеморативная активность в структуре мемориальной деятельности жителей современного города (на примере г. Грозный) / Н.У. Ярычев. – Текст: непосредственный // Художественная культура и трансформация индустриального менталитета в условиях моногорода: сборник научных трудов V Всероссийской (национальной) научной конференции с международным участием (24 января 2023 года, г. Магнитогорск) / под общ. ред. В.А. Жилиной. – Магнитогорск: Изд-во ФГБОУ ВО «Магнитогорский государственный технический университет им. Г.И. Носова», 2023. – С. 78-82.

63. Ярычев, Н.У. Мемориальные акторы: сущность и типологическое разнообразие / Н.У. Ярычев. – Текст: непосредственный // Материалы 55 Всероссийской (с международным участием) научной конференции молодых исследователей «Культурные инициативы» (Челябинск, 6 апреля 2023 года.) / Сост. и науч. ред. А. Р. Медведева; гл. ред., отв. за выпуск Е.А. Селютина; Челяб. гос. ин-т культуры. – Челябинск: Изд-во ФГБОУ ВО «Челябинский государственный институт культуры», 2023. – С. 108-110.

64. Ярычев, Н.У. Прошлое как созидательно-действенный ресурс: «что» и «для чего» хотят помнить современные чеченцы / Н.У. Ярычев. – Текст: непосредственный // Материалы Международного научно-творческого форума (научной конференции) «Научные школы. Молодежь в науке и культуре XXI века» (Челябинск, 24-25 ноября 2022 года). – Челябинск: Издательство ФГБОУ ВО «Челябинский государственный институт культуры», 2023. – С. 108-110.

65. Ярычев, Н.У. Образ героя кавказской войны в графике Саида Бицираева: культурологический аспект / Н.У. Ярычев, З.Р. Хамзатова. – Текст: непосредственный // Сборник материалов Ежегодной итоговой научно-практической конференции научно-педагогических работников ФГБОУ ВО «Чеченский государственный университет им. А.А. Кадырова» (Грозный, 22 февраля 2023 года). – Грозный: Издательство ФГБОУ ВО «Чеченский государственный университет им. А.А. Кадырова», 2023. – С. 477-782.

66. Ярычев, Н.У. Прошлое как ценность: ключевые особенности мемориальной политики Чеченской Республики / Н.У. Ярычев. – Текст: непосредственный // Гражданственность. Патриотизм. Культура. Религия: коллективная монография / под. общ. ред. и сост. А.А. Лисенково, М.Г. Писманика и А.А. Субботиной. – Пермь: ФГБОУ ВО «Пермский государственный институт культуры», 2023. – С. 144-149.

67. Ярычев, Н.У. Мемориальная культура Чеченской Республики в контексте информационно-цифровых трендов / Н.У. Ярычев. – Текст: непосредственный // Человек в информационном обществе: сборник материалов научно-практической международной конференции, посвященной Десятилетию науки и технологий в Российской Федерации (г. Самара, 26-28 апреля 2023 г.); под общей редакцией А.Ю. Нестерова / Министерство науки и высшего образования Российской Федерации, Самарский университет. – Самара: Издательство Самарского университета, 2023. – С. 133-137.

68. Ярычев, Н.У. Культурная память: ключевые понятия и особенности трансляции / Н.У. Ярычев. – Текст: непосредственный // Динамика гуманитарных и социально-экономических наук в условиях цифровой трансформации: сборник научных трудов по материалам Международной научно-практической конференции 30 ноября 2023 г. / Под общ. ред. Е.П. Ткачевой. – Белгород: ООО Агентство перспективных научных исследований (АПНИ), 2023. – С. 29-33.

69. Ярычев, Н.У. Инструменты и критериальные основания современной чеченской мемориальной культуры / Н.У. Ярычев. – Текст: непосредственный // Материалы Ежегодной итоговой научно-практической конференции научно-педагогических работников, посвященной 85-летию ФГБОУ ВО «Чеченский государственный университет м. А.А. Кадырова» (г. Грозный, 2 марта 2024 г.) / ред. Х. Джамбеков. – Грозный: Издательство ФГБОУ ВО «Чеченский государственный университет м. А.А. Кадырова», 2024. – С. 44-46.

70. Ярычев, Н.У. Сохранение культурной памяти чеченского народа на примере живописи / Н.У. Ярычев, З.Р. Хамзатова. – Текст: непосредственный // Материалы Ежегодной итоговой научно-практической конференции научно-педагогических работников, посвященной 85-летию ФГБОУ ВО «Чеченский государственный университет м. А.А. Кадырова» (г. Грозный, 2 марта 2024 г.) / ред. Х. Джамбеков. – Грозный: Издательство ФГБОУ ВО «Чеченский государственный университет м. А.А. Кадырова», 2024. – С. 47-49.